

Роман переведен на 17 языков,
номинарован на GRAND PRIX французского журнала ELLE

Аслак Нуре Морское Кладбище

CoRpus

Когда мы говорим “норвежский детектив”, то первым делом вспоминаем Ю Несбё, он много лет держал монополию на этот жанр... И вот явился Аслак Нуре, чтобы превзойти Несбё.

Толстенькое “Морское кладбище” стоит каждой потраченной на его чтение минуты.

LE JOURNAL DU DIMANCHE

Аслак Нуре
Морское кладбище

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

Нуре А.

Морское кладбище / А. Нуре — «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-150397-0

Осень 1940 года. На севере оккупированной Норвегии, недалеко от города Будё, гибнет рейсовое судно "Принцесса Рангхильд". Среди сотен утонувших — судовладелец Тур Фалк. Но его жена, Вера Линн, и новорожденный сын Удав выживают. Спустя 75 лет Вера кончает жизнь самоубийством, и эта трагедия явно связана с тем давним кораблекрушением. Полвека назад Верина блистательная писательская карьера оборвалась, когда она попыталась рассказать правду о том роковом дне, и теперь дочь Улава, Саша, начинает распутывать историю своей бабушки. "Морское кладбище" — настоящий норвежский большой роман о семейной династии, о борьбе за власть и капиталы, о лояльности государству в свете морали, о любви и предательстве. Это романтическое и вместе с тем трагическое путешествие вдоль норвежского побережья в прошлом и настоящем, история, в которой истина сталкивается с верностью семье и даже может разрушить семейную империю. Роман переведен на 17 языков, номинирован во Франции на GRAND PRIX журнала ELLE.

УДК 821.113.5-31

ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-150397-0

© Нуре А., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть 1. Обрыв	11
Глава 1. Сокол, готовый взлететь	11
Глава 2. Не учи отца своего...	16
Глава 3. Ничейная земля	21
Глава 4. Что это за писанина?	24
Глава 5. Значительные ценности	27
Глава 6. Договорились?	31
Глава 7. Выпьем за маму	35
Глава 8. Боевой крест с двумя мечами	39
Глава 9. Теплые руки врача	44
Глава 10. Кто мы?	47
Часть 2. Окно-розетка	57
Глава 11. Самое трудное – вернуться домой	57
Глава 12. Мы пережили кораблекрушение и семейный разлад	62
Глава 13. Опекунский совет	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Аслак Нуре

Морское кладбище

© Aslak Nore. Havets kirkegård. Published by H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), Oslo 2021

© Н. Федорова, перевод на русский язык, 2024

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

® Издательство CORPUS

От автора

Перед вами роман. Места, события и персонажи вымышлены. За немногими важными исключениями, о которых подробнее говорится в «Благодарностях». Все, что касается внешних обстоятельств гибели парохода «Хуртигрутен»¹ «Принцесса Рагнхильд» 23 октября 1940 года, основано на документальных источниках.

Сюда относятся чертежи судна, попавшие мне в руки благодаря любезному помощнику из музея «Хуртигрутен» в Стокмаркнесе. Кроме того, описание базируется на показаниях свидетелей в Салтенском уездном суде, в частности на показаниях шкипера Кнута Иннергорда из Батнфьордсёры, до сих пор неизвестных общественности. Его рассказ мне предоставило Норвежское общество истории мореплавания в Нурмёре, и повествует он о случившемся совершенно по-новому.

Вместе со своей командой – штурманом Петтером Сёхолтом из Молде, машинистом Юханом Бревиком со Смёлы, помощником машиниста Хансом Ли из Кристиансунна и стюардом Оскаром Мортенсенем – Иннергорд провел одну из крупнейших спасательных операций в Норвегии в ходе Второй мировой войны, не получив за это никакой награды.

Эта книга посвящается героическому экипажу грузового судна «Батн-фьорд», который в тот день спас из ледяного моря более 140 норвежцев и немецких солдат, и всем тем, кого им спасти не удалось, тем, кто упокоился тогда на морском кладбище.

¹ «Хуртигрутен» (прибрежный экспресс) обеспечивает ежедневные рейсовые морские перевозки пассажиров вдоль норвежского побережья от Бергена до Киркенеса. – *Здесь и далее прим. перев.*

Пролог

«Дагенс нарингслив», 4 августа 2006 г.

Медик

Ханс Фалк спас тысячи человеческих жизней. Ценой того, что часто забывал дни рождения своих детей.

Автор – Джон О. Берг

ЛИВАН, СЕНТЯБРЬ 1982 г. Молодой врач быстрым шагом идет через погруженный во тьму лагерь беженцев Шатила в Бейруте. В одной руке у него вместительная санитарная сумка. На другой руке он несет закутанного в плед младенца.

Ханс Фалк чувствует смрад порохового нагара и нечистот, в следующие десятилетия он еще не раз столкнется с этой вонью, и всегда она будет напоминать ему этот вечер в Шатиле. Вечер, когда в лагерь ворвалась милиция, христиане-фалангисты. Под тем предлогом, что здесь прячутся палестинские боевики. Сейчас резня в разгаре, фалангисты не щадят никого. Отовсюду доносятся крики и стрельба.

В небо взлетает ракета, постройки заливают нереальный серебристо-серый свет. Ханс замирает. Среди куч мусора, армейских пайков и бутылок спиртного лежат мертвецы: молодые мужчины с отрезанными гениталиями, беременные женщины с распоротыми животами, дети, грудные младенцы. Слева, метрах в двадцати, он краем глаза видит еще одну груду тел – крепко обнявшиеся мужчины, женщины, закрывающие собой детей, у всех на лбу маленькое входное отверстие. Люди расстреляны в упор.

Ракета сгорает, свет гаснет, словно повернули выключатель. У южного выхода из лагеря он различает очертания взорванных низких построек, за остатками стен караулит железное кольцо милиционеров.

Младенец заплакал, тихо и жалобно. Ханс прячется за мусорным баком, опускается на колени, пытается укачать новорожденного.

Кто-нибудь заметил его? Нет, он в укрытии.

Надо что-то делать, иначе ребенка отнимут. Он расстегивает молнию санитарной сумки. Выкидывает пластиковые бутылки с физраствором и спиртом, выкидывает складные носилки, они занимают слишком много места, выкидывает катетеры, стетоскопы и тонометры. Их острые края могут поранить малыша.

В боковом кармане лежит бутылка виски – «Джонни Уокер», черная этикетка. Подарок палестинских руководителей, с которыми он встречался. Он знает, еще не узнав: никого из них теперь нет в живых.

Ханс откупоривает бутылку, смачивает кончик пальца. Дает младенцу вдохнуть запах виски, потом сует палец ему в ротик. Малыш сосет палец с непостижимой силой новорожденного. Тихонько хнычет – и затихает. На дне сумки Ханс осторожно устраивает из пледа и пеленок постельку, кладет туда младенца, прикрывает ушными компрессами и тонкими марлевыми салфетками. Снова застегивает молнию.

Ханс Фалк берет сумку и направляется к милиционерам. Уже в то время Ханс славился своим обаянием, по словам одного из коллег, он способен был «очаровать кого угодно, от налоговых чиновников до политиков высшего уровня и женщин в никабах²». В этот страшный

² Никаб – мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз; как правило, черный.

вечер 1982 года доктору Фалку предстоит главное испытание его жизни. В разгар бойни он должен вынести из лагеря новорожденного младенца.

ЛИВАН, ЛЕТО 2006 г. Почти четверть века минуло после потрясшей весь мир кровавой резни в лагерях палестинских беженцев. Много воды утекло с тех пор. Но кое-что осталось по-прежнему: Ливан воюет; Ханс Фалк такой же загорелый, с гладкой кожей, легкой походкой и «по-мальчишески» чертовски обаятельный, как и в суровые семидесятые годы, когда этот сын бергенского судовладельца, в соответствии с духом «коммунистической пролетаризации», одевался как работяга, кружил голову женщинам и твердил, что после революции непременно реквизирует отцовские верфи.

– Но суд о разделе имущества снял этот вопрос с повестки дня, – говорит Фалк, раскладываясь со знаменитой палестинской актрисой на пути к стойке бара в «Мейфлауэре», легендарном отеле, где Фалк обычно останавливается в Бейруте.

– Мы зовем его просто – Ханс Сакр. – Молодая палестинка заливается краской. – По-арабски Сакр значит Сокол, то же самое, что Фалк по-норвежски.

Ханс, естественно, заказывает два «Джонни Уокера» без льда и добавляет, что «надо потрафить вкусам ООП³».

– Давайте, – продолжает он, поднимая хрустальный стакан, – выпьем за живых, за погибших и за угнетенных.

Причислить к угнетенным самого Ханса ни у кого язык не повернется. Он родом из могущественного семейства Фалк, которое на протяжении всего двадцатого века играло центральную роль в общественной жизни Норвегии, – как судовладельцы, благотворители и политики. Его дед, «Большой Тур» Фалк, известный пароходчик, погиб в войну при крушении «Принцессы Рагнхильд» и посмертно был награжден Боевым крестом с мечами как организатор Сопротивления на побережье.

С тех пор семейство Фалк разделилось на две ветви. Бергенцы, в том числе Ханс, живут в усадьбе на юге района Фана. Злые языки твердят, будто при разделе наследства с бергенской ветвью обошлись несправедливо. Можно ли в будущем ожидать тяжбы на этот счет между ословскими и бергенскими Фалками?

– О нет, такого никогда не случится, даю слово, – восклицает Ханс. – Я коммунист и потому принципиально против института наследования. Ничто так не обостряет неравенство, как наследство. – Вдобавок, – с улыбкой говорит он, – то, что мы всё потеряли, на самом деле наше *преимущество*. Нам повезло. Проблема богачей в том, что они идут по жизни в страхе, что когда-нибудь у них все отнимут. Человек свободен, только когда все потерял.

С другой ветвью семьи, с так называемой ословской фалангой империи Фалков, дело обстоит иначе. Дядя Ханса, Улав Фалк, в прошлом военный министр, возглавляет влиятельную промышленную группу САГА, со штаб-квартирой в Редерхёугене недалеко от столицы. Он закулисный заправила, чурющийся СМИ, и «стоит» якобы 10 миллиардов, а оценить в деньгах его влияние вообще невозможно.

Здесь что же, угадывается раскол, классический для норвежской истории, меж культурой грюндерского побережья и правящей ословской элитой?

– Нас, бергенцев, столица не слишком интересует, – смеется Ханс. – Скажем так: на континент или на Ближний Восток я никогда не лечу через Осло, разве только при крайней необходимости.

Патриот Бергена, идеалист-радикал, этакий «икорный левак», который проповедует пролетарские идеи, а сам как сыр в масле катается. Ханса Фалка можно называть по-разному. И о чем бы ни шел разговор, у него почти всегда наготове меткий ответ и плутовская улыбка.

³ ООП – Организация освобождения Палестины.

Впрочем, как говорят те, кто хорошо его знает, Ханс похож на русскую матрешку: он многослоен, и каждый слой – новая его версия. Он знаком с половиной Ближнего Востока – от ведущих политиков до таксистов на Хамра-стрит, – но загадка для своих близких. Этот человек, чей заразительный смех разносится по всему холлу, видел больше страдания, чем любой норвежец его поколения, но внешне оно как будто бы его не затронуло. Врач, который далеко за пределами сугубо медицинских кругов известен тем, что спас тысячи беззащитных в самых горячих точках мира, не раз забывал дни рождения собственных детей. Феминист, который всегда в первых рядах демонстрации на 8 Марта, ничтоже сумняшеся обманул всех своих женщин. Но и на это у Ханса Фалка есть ответ:

– Перефразирую Хемингуэя: мне нравятся коммунисты-врачи, но ненавистны коммунисты-пасторы. Я всего лишь человек и ошибаюсь, как все.

Неужели ничто не способно вывести его из себя?

Да нет, кое-что есть.

А именно вопрос, любил ли Ханс Фалк кого-нибудь, кроме угнетенных и собственного отражения в зеркале. Впервые он отводит взгляд и ерзает на стуле. Отвечает уклончиво, но, пожалуй, это и есть ответ.

ЛИВАН, СЕНТЯБРЬ 1982 г. От милиционеров за несколько метров несет алкоголем. Лучше уж это, чем запах смерти, думает Ханс. Взгляд у молодых парней мутный, лица до глаз закрыты носовыми платками, оружие направлено на него. За спиной Ханса громяют автоматные очереди, раздаются крики... потом тишина.

– Мы проводим операцию против палестинских террористов, – говорит лейтенант. – Как иностранец вы имели возможность покинуть лагерь до начала операции. – Он закуривает сигарету. – Вы этой возможностью не воспользовались, а значит, сами принадлежите к вооруженным боевикам.

Несколько самых молодых милиционеров, которым, пожалуй, нет и двадцати, передергивают затвор, угрожающе делают шаг вперед.

– Я ассистировал во время родов, – говорит Ханс.

– Сегодняшний младенец – завтрашний террорист, – говорит лейтенант, словно выплевывая слова. – Где ребенок?

Ханс чувствует, что ладони вспотели, он вот-вот выронит сумку из рук. Писк младенца или обыск сумки – и всё, обоим конец.

– Не знаю, – отвечает он. – Последнее, что я видел, это штурм роддома.

– Из какой вы страны?

– Из Норвегии... Страна христианская... дружественная Израилю... тесные узы.

Лейтенант кривится, бросает соседу несколько слов. Потом кивает Хансу:

– Можете идти.

Ханс сдерживает облегченный вздох.

– Но сперва мы проверим вашу сумку.

Что же теперь делать? Ханс осторожно ставит сумку наземь. Осторожно расстегивает молнию. Боевики глядят ему через плечо. Лицо младенца спрятано, но Ханс замечает, что салфетка чуть-чуть шевелится, ребенок дышит.

Другие тоже это видят?

Он достает бутылку «Джонни Уокера», протягивает лейтенанту.

– Вам выпивка нужна больше, чем мне, – говорит он.

Ливанец рассматривает этикетку. К счастью, сумка подозрений не вызывает. Офицер хватает бутылку.

– *Get lost*⁴, – говорит он.

Руки у Ханса так трясутся, что ему не удастся задержать молнию, он невесом и бесчувствен, когда идет сквозь строй ливанских фалангистов к свободе, утешаясь тем, что если они начнут стрелять, то перебьют друг друга. Ханс Фалк возвращается в отель, тот самый, где он теперь, спустя четверть века, сидит на темно-коричневом честерфилдовском диване, а по его самоуверенному лицу скользит темная тень.

– Что произошло с ребенком?

– Я оставил его под опекой других людей. Обещал матери никогда не раскрывать, чей он, и нарушать обещание не стану. Но надеюсь, его жизнь сложилась лучше, чем ее.

⁴ Вали отсюда (*англ.*).

Часть 1. Обрыв

Глава 1. Сокол, готовый взлететь

Бабушка издавна пророчила, что семейная усадьба сгинет прежде, чем она сама. Что она имела в виду – объявляла ли себя бессмертной или насылала на потомков проклятие, – никто толком не понимал. Недаром Вера Линн была писательницей, но из рассказанных ею историй ни одна не пугала Сашу так, как эта.

Вообще-то ее крестили Александрой Фалк, но, еще когда она была маленькая, бабушка настояла, чтобы ее звали Сашей или Сашенькой, в честь русского деда, которого никто даже на фотографиях не видел.

Мучаясь бессонницей, Саша встала рано, надела темно-синюю водолазку и твидовый блейзер. Когда ждут неприятные дела, надо одеться построже. Накануне она обнаружила, что один из стипендиатов архива, который она возглавляла, просматривал файлы с отчетом фонда за 1970 год. Тем самым он нарушил условия подписанного им обязательства хранить тайну, а вероломство она терпеть не намерена.

Стипендиатово вынюхиванье мало того что само по себе неприятно – в первую очередь это симптом. Она прямо-таки чуяла его, точно дуновение ветра на рубеже времен года: истории, которые долго утаивались, вот-вот выйдут наружу.

Что# бабушка имела в виду, говоря, что правда и семейная лояльность друг с другом не в ладах?

Саша вышла из привратницкого флигеля, где жила с семьей. Он временно опустел: девочки на даче у друзей, Мадс в командировке, в Азии. На заре их семейной жизни он намекнул, что они, пожалуй, будут чувствовать себя стесненно в усадьбе, где расположен офис семейного предприятия и обитает целая куча родственников. Саша жутко разозлилась, как бывает, когда тебе выкладывают очевидную правду о любимом доме.

О переезде даже речи быть не могло.

Редерхёуген находится к западу от столицы: морем до нее ходу всего ничего. Сейчас Саша шла по кленовой аллее к развороту. За ночь пейзаж окрасился в блеклые морозные оттенки. Ледяной ветер ударил ей в лицо, пробрал насквозь через куртку. Она невольно поежилась.

Она жила здесь всю жизнь, и все равно подчас ее переполняла огромная любовь к этому месту. Здесь был ее мир. Усадьба и семья были одним целым, продолжением ее существа – пологие камни «бараньих лбов»⁵ на западной стороне, где она в детстве купалась, причалы и лодочные сараи на южном мысу, ровные лужайки, летом изумрудно-зеленые, а за ними густой, гудящий хвойный лес, который с востока, где стояла Верина «контора», круто обрывался в море.

От выключенного фонтана на развороте она по засыпанной гравием дорожке направилась к трехэтажному белому кирпичному дому; украшенный портиками, эркерами, коваными ажурными балконами и круглой, похожей на крепостную башней с амбразурами поверху, он господствовал над всей усадьбой, возвышаясь на заросшем травой гребне.

По натуре Саша была консервативна. Перемены вызывали у нее страх и неприязнь. Однажды во время ссоры Мадс бросил, что человек вроде нее – а в один прекрасный день Саша, ее брат и сестра унаследуют самую, пожалуй, роскошную частную недвижимость в стране, миллиардный концерн и гуманитарный фонд – от революционных преобразований ничего не

⁵ «Бараньи лбы» – скалы из коренных пород, сглаженные и отполированные движением ледника.

выиграет. Что верно, то верно, но ее консерватизм коренился глубже: в конечном счете значение для нее имела только семья.

Лояльность к семье Саша ставила превыше всего, и когда самые главные члены семьи конфликтовали – бабушка и властный Сашин отец, например, полвека жили бок о бок, почти не разговаривая друг с другом, – именно она старалась уравновесить крайности.

В дом она вошла через заднюю дверь цокольного этажа. И направилась в библиотеку, где располагался ее кабинет. В почтовой корзине лежала открытка с пометкой «Финсе 1222»⁶: «Помнишь поход на Хардангерский ледник? Люблю тебя. М.»

Такие вот маленькие сюрпризы вполне в духе Мадса. Надо же, раздобыл открытку с видом Финсе и не поленился отослать ее перед отъездом, с нежностью подумала Саша. Раньше, когда была моложе, она бы наверняка отмахнулась от открытки как от циничной попытки понравиться. А сейчас решила, что это любовь.

Она села в коричневое эймсовское кресло.

Как директор музея фонда САГА Саша несла личную ответственность за постоянных и прикомандированных стипендиатов-докторантов. Открыла ежедневник. «Встреча: 08.00–08.10». Глянула на часы. Еще пятнадцать минут. Ей стало не по себе.

Последний год она занималась подготовкой амбициозного проекта в сотрудничестве с немецким Федеральным архивом во Фрайбурге, *Abteilung Militärarchiv*⁷. Когда она рассказывала о проекте людям, далеким от этой темы, они нередко начинали прятать глаза. Архивы вообще-то штука занудная, но Сашу это ничуть не беспокоило. Через письма и короткие телеграммы с ней говорила сама история. И подобные археологические раскопки были ей очень по душе. Бабушка, правда, твердила, что история как наука объективна не больше, чем роман, но она частенько преувеличивает.

Сотрудничество с немецкими архивами предусматривало сбор информации о многих сотнях немецких солдат, размещенных в годы войны на норвежской земле. Чтобы родственники, историки и другие интересующиеся, введя в электронную систему имена, номера смертных медальонов и проч., могли получить доступ к имеющейся информации. Логистически задачи весьма сложные, но, по задумке отца, фонду необходимо получить широкую известность в Германии.

В дверь постучали, раз и другой, но ответила Саша, только когда на ее собственных часах было ровно восемь:

– Да?

Стипендиат Синдре Толлефсен осторожно вошел в кабинет. Одежда потрепанная, голова с длинными залысинами, которые соединялись у макушки, окружая взъерошенный пучок волос. Он неуверенно смотрел на нее мягким, слегка уклончивым взглядом. По возрасту, пожалуй, ее ровесник.

– Садитесь, – сказала она.

Он покорно сел. А она думала о том, скольких людей довелось уволить отцу, и устно, и письмом на серой бумаге.

Как он с этим справлялся, ей-то все это ужасно неприятно?

– Как вам известно, – кашлянув, нерешительно сказала она, – фонд САГА уже долгое время сотрудничает с университетом, стипендиатам которого предоставлена возможность использовать наши архивы при подготовке докторской диссертации. Наше сотрудничество зиждется на взаимном доверии. Вы внесли существенный вклад в военную историю и были важным участником в проекте сотрудничества с немцами.

⁶ Финсе – горная деревушка в Норвегии на берегу озера Финсеватн, расположена на высоте 1222 м над уровнем моря.

⁷ Отдел военного архива (нем.).

Он сглотнул, острый кадык поднялся и опустился. Докторская работа Толлефсена привела Сашу в восторг. Он занимался историей антинацистского Сопротивления в вооруженных силах Третьего рейха на норвежской территории. В частности, совершенно неизученными событиями, связанными с двумя немецкими унтер-офицерами, которых казнили в Кристиансанне в конце войны. Результаты проекта могли изрядно продвинуть фронт исследований вперед.

– Но, получая доступ к нашим архивам, – продолжала Саша, – вы письменно обязались не разглашать сведения как о немецких солдатах, так и о фактах, касающихся САГА и нашей семьи.

Казалось, стипендиат только теперь понял серьезность ситуации:

– Откуда вам известно...

– Я не могу раскрывать, как действует внутренняя схема безопасности, – ответила она.

Фактически схему разработал начальник службы безопасности Редерхёугена по образцу журнальной системы в здравоохранении, она позволяла сразу увидеть, кто заходил в архивы и куда именно. Накануне, после неприятного разговора с Верой, Саша заглянула в оцифрованные документы и в файле регистрации обнаружила толлефсеновский логин. А ей не нравится, когда кто-нибудь норовит подобраться поближе к семье. Тут они с отцом были солидарны.

– Вы просматривали отчеты руководства САГА за шестьдесят девятый и семидесятый год, – сказала она. – Это внутренние дела, они не имеют значения ни для ваших исследований, ни для общественности.

– Не имеют значения для общественности?! – Стипендиат повысил голос.

– Совершенно верно. Думаю, вам известно, что в общении с прессой наша семья чрезвычайно сдержанна. Вы ведь никогда не читали светских репортажей из нашего дома – их не было и не будет. Лояльность и тактичность – вот что мы ценим превыше всего. – Саша стукнула шариковой ручкой по кожаной крышке письменного стола. – Вы злоупотребили нашим доверием, а потому прямо с этой минуты уволены и лишены доступа к архивам.

Нижняя губа у него задрожала:

– Вышвыриваете меня?

Она кивнула:

– К сожалению.

Она думала, он уйдет, но нет, он не встал, молча сидел, с кривой усмешкой на губах.

– Знаете, зачем я читал эти отчеты?

– Нет, и мне это неинтересно.

– Затем что история Веры Линн напрямую связана с темой моего исследования. Я имею в виду выдуманную историю, которую вы всегда рассказывали о самих себе.

Саша глубоко вздохнула, подавляя желание ответить тем же тоном.

– Разговор окончен, – коротко сказала она и кивком указала на дверь.

Стипендиат пошел к выходу, но на пороге остановился, обернулся к ней:

– Мне казалось, вы не такая, как другие, Саша Фалк. Но, вижу, вы такая же трусиха. А может, еще хуже. Я не хочу работать для фонда, который взял себе девизом правду, а на самом деле лжет. Спросите свою бабушку, что# в действительности произошло в фонде САГА в семидесятом году.

Дверь за ним захлопнулась.

* * *

Саша так и сидела, глядя в потолок. Вера, опять Вера. Правда и лояльность? 1970-й? В согласии со своей натурой – чуткой и дипломатичной, как считала она сама, самоотверженной

и соглашательской, как считали брат и сестра, – Саша обыкновенно каждую неделю проводила бабушку в ее домике на Обрыве.

Вчера она тоже там побывала.

И, как всегда, принесла с собой свежие пирожные, а бабушка, как всегда, угостила ее бокалом красного вина и сигаретой, пока Саша читала вслух главу одного из любимых Вериних романов. Поначалу все было как обычно, но затем разговор принял новый оборот.

– Скоро семьдесят пять лет со дня кораблекрушения, – осторожно сказала Саша. – Мы зафрахтовали пароходную поездку на то место, где все произошло.

Бабушка медленно повернулась к ней.

– Мне нужна еще одна сигарета, Сашенька.

– По-моему, тебе тоже хорошо бы поехать, – продолжала Саша. – А может, и рассказать, как все случилось.

– Рассказать?

– Ты же никогда ничего не рассказывала.

Бабушкино поколение, пожалуй, вообще не привыкло говорить о душевных травмах. А она в той катастрофе потеряла мужа и едва не потеряла маленького сына.

– Я-то бы с удовольствием, – сказала Вера. – Только не уверена, что мой рассказ доставит удовольствие вам.

– Но мы хотим его услышать. Война давно кончилась, мы стерпим правду.

Бабушка долго смотрела на нее сквозь завесу дыма.

– Мы, – повторила она, качая головой. – Ты всегда была лояльна к семье, Сашенька. Это хорошо. Однако лояльность и поиски правды иной раз противоречат друг другу. Я с вами не поеду, точно не поеду. Но ты хочешь услышать мой рассказ?

Саша кивнула.

– В таком случае будь готова: все может рухнуть.

– Тогда и мне нужна сигарета.

Вера умолкла, но, когда Саша собралась уходить, бабушка попросила заказать такси и проводить ее через лес до разворота.

– Ты ведь уже не выходишь из дома, бабушка, – сказала Саша.

– А теперь вот выйду, дорогая Сашенька, – сердито ответила бабушка. – Я, черт побери, не под опекой!

Саша обиделась, она не привыкла, чтобы Вера так резко ставила ее на место. Обида грызла ее по дороге через лес и весь остаток дня.

Куда Вера отправилась после вчерашнего разговора, она до сих пор не знала, но пора это выяснить.

Возле цокольного этажа стоял Джаз, сторожевой пес. Увидев Сашу, он ткнулся в нее мордой и стал на задние лапы.

– Что такое? – пробормотала она и почесала собаку за ухом. Джаз нетерпеливо твякнул. Это была бельгийская овчарка породы малинуа, с длинной мордой в черной маске, кофейно-коричневая, только шерсть у нее короче, тело легче и спина прямее, чем у немецких родичей. Джаз был ласковый, как щенок, храбрый, как волк, и поддавался любой дрессировке. Умел карабкаться по деревьям, словно кошка. И вообще, в охране президентов и при ловле террористов вперед всегда пускают малинуа.

Саша поспешила за собакой сквозь заросли. Каждый корень и каждый камень на тропинке были ей знакомы, вся география усадьбы накрепко отпечаталась в мозгу и в теле: сперва темная, мягкая, усыпанная хвоей тропинка через ельник, потом через «бараний лоб», где в дождь было скользко, потом по голым, выбеленным корням вокруг озерца с водяными лилиями, между двух скал, похожих на лезвия топора и разделенных щелью. В детстве им, понятно, запрещали заходить в Дьявольский лес.

Дальше ландшафт неожиданно раскрывался, лес заканчивался крутым обрывом, таким естественным защитным укреплением, а несколькими метрами левее стоял бабушкин домик.

Она ощутила легкий порыв ветра, от высоты аж дух захватило. Джаз выбежал на выложенную плитками площадку у входа, стал на задние лапы и тявкнул.

Саша взялась за подкову на двери, осторожно постучала.

Безрезультатно.

– Бабушка?

Она открыла дверь, та тихонько скрипнула.

– Вера, ты дома?

В лицо пахло спертым воздухом. Саша обвела взглядом переполненные стеллажи, не задерживаясь на книжных корешках. Паркет слегка пружинил под ногами, когда она шла к спальне. Отворила дверь. Кровать аккуратно застелена, поверх одеяла наброшено белое кружевное покрывало. Над кроватью – сделанная на пароходе фотография бабушки и отца, совсем крошечного младенца. Этот снимок всегда трогал ее, дарил ощущение, что мир и время взаимосвязаны.

Когда Саша была моложе, старики при виде ее порой умилялись до слез: мол, больно похожа на бабушку, прямо одно лицо. Она и сама замечала сходство. Уголки губ у обеих чуть-чуть опущены, что придает лицу совершенно естественное аристократично-меланхолическое выражение, которое многие считали надменностью. Жемчужно-бледная, безупречная кожа контрастировала с волосами, темными, с оттенком красного дерева, как и у бабушки. Глаза тоже бабушкины – чуть раскосые, в рамке острых скул и густых темных бровей. С лазурно-синей радужкой. Саше было сейчас тридцать с небольшим, а, по словам доктора Ханса Фалка, «в этом возрасте женщины краше всего». О бергенском дядюшке, ловеласе и сексисте, можно говорить что угодно, но в этой теме он дока.

Она осторожно закрыла дверь спальни, прошла в кухонный уголок. Чистота, посуда перекрыта. В холодильнике – продукты, которые она сама купила накануне. Саша открыла один из шкафчиков над рабочим столом.

И уже собиралась закрыть дверцу, когда солнце осветило шеренгу бокалов, расставленных на верхней полке. Три из них запотели. Саша взяла один, потрогала кончиком пальца. На стекле несколько капель, край влажный, словно бокал недавно вымыли. Джаз заскулил, прижался холкой к ее бедру.

Она вышла из домика. Собака метнулась к обрыву, резко замерла, сделала шаг вперед по краю, опустив морду, словно на что-то показывала.

Поскольку обрыв выступом нависал над морем и местами оброс можжевельником и всяким кустарником, внизу ничего толком не разглядишь. Метрах в десяти там была мелководная бухточка, полная ракушек, тины и ила, с каменным островком, связанным с сушей узкой полоской песка, гальки и камыша, поэтому в отлив туда можно добраться, не замочив ног.

Саша решила глянуть под обрыв. Опустилась на корточки, обняв Джаза за шею. Низкое солнце слепило глаза, она стала на колени, нащупала руками неровный край скального выступа, хвоинки кололи ладони, на воде виднелись легкие круги.

Бабушка лежала головой в воде, тело чуть покачивалось на поверхности, словно буй, словно забытая надувная пластиковая игрушка... одежда промокла, потемнела. Низкий луч света упал на нее, вода заискрилась. Тело облепили жгучие красные медузы. Рвота утопленников, так их называла бабушка. На спине зеленого вязаного жилета – логотип САГА: готовый взлететь сокол и семейный девиз внизу; поверхность воды была покрыта рябью, и оттого казалось, будто распростертые крылья шевелятся.

Глава 2. Не учи отца своего...

Улав Фалк бросил купальный халат на лавку и нагишом вышел на пристань. Холодно для этого времени года. Заиндевелый настил липнул к подошвам. Температура воздуха – минус семь, воды – градуса два или три. Пристань располагалась в бухточке, с обеих сторон укрытой невысокими, похожими на лезвия топора скалами, рядом с красным лодочным сараем. Как обычно, Улав удостоверился, что поблизости нет медуз. И прыгнул в воду.

Кровеносные сосуды мгновенно сузились, чтобы защитить жизненно важные органы. Улав лег на спину, съжившийся от холода член плавал на поверхности; наконец Улав, совладав с дыханием, смог устремить взгляд в чистое синее небо. Сколько себя помнил, он купался круглый год, еще задолго до того, как это вошло в моду. Вдобавок всем известный факт, что младенцы под водой автоматически задерживают дыхание, хорошо вписывался в историю, которую Улав любил рассказывать о себе, вносил в нее героические нотки. Для Улава Фалка жизнь была единоборством. Он и начал жизнь в борьбе за нее.

Жизнь к нему благоволила. В свои без малого семьдесят пять он по-прежнему обходился без постоянных медикаментов. Кардиолог, правда, решительно не советовал ему купаться в холодной воде без присмотра.

Но он плевать хотел на подобные советы: коли умирать, то уж лучше в воде.

Зимние купания – единственная зависимость, которой он страдал. Конечно, сложных проблем хватало, например, кому передать бразды правления, когда он уйдет в отставку. Но в общем и целом с семейным бизнесом все обстояло так же, как со страной, где они жили. Главная задача уже не строительство, а управление.

Спустя довольно много времени он выбрался на пристань и тотчас ощутил легкие покалывания, когда кровь опять устремила к кончикам пальцев, – вот так же тепло камина распространяется в по-зимнему холодной комнате.

На пристани Улав проделал несколько энергичных упражнений, имитируя боксерские удары. Он любил классические виды спорта. Во время Олимпийских игр или чемпионатов мира по легкой атлетике он вполне мог отменить встречи, чтобы посмотреть важнейшие соревнования. И больше всего любил бокс. Ему было девятнадцать, когда в 1959-м Ингемар Юханссон победил Флойда Паттерсона, а в 1960-е и 1970-е, золотые годы бокса, он, точно аргус, следил за всеми матчами и отсидел на приступке возле ринга десятки боев на чемпионатах в Лас-Вегасе.

Мало что раздражало его сильнее, чем запрет профессионального бокса и прочие мелкие норвежские регламентации. Да, определенный риск, безусловно, есть, но что останется от жизни, если убрать из нее риск? Жизнь тем и хороша, что опасна. Без боли нет радости.

Он поспешил обратно по тропинке через замерзший лесок, отделявший бухточку от сада, и дальше по траве, к бюсту отца, выполненному из сплава меди и олова одним из лучших норвежских скульпторов и установленному на цоколе из необработанного гранита. Яркие блики солнца освещали лоб и гравированную надпись на цоколе: «Продолжая жить в сердцах потомков, человек не умирает. Тур С. Фалк 03.11.1903-23.10.1940». Хотя Улав потерял отца вскоре после рождения и помнить его не мог, принадлежность к династии Фалков наполняла его почтительной благодарностью.

В дом он вошел через цокольный этаж, через заднюю дверь в башню. После обязательного душа в раздевалке поднялся по винтовой лестнице на башню, отпер кабинет, проверил ежедневник. Никаких встреч до конца дня, ну и хорошо, можно написать доклад, который он задумал давным-давно. Речь пойдет об отце, рабочее название доклада – «Пионер Сопротивления». Большой Тур, директор крупного бергенского пароходства, обеспечивавшего несколько кабо-

тажных маршрутов, организовал шпионаж за немцами, послал рыболовные суда через Северное море и получил оттуда радиопередатчики.

В докладе Улав остановится и на том, как британцы заминировали норвежское побережье. Что отец погиб от взрыва английской подводной мины, а не от немецкого оружия, являло собой некоторый парадокс.

Улав успел сформулировать несколько фраз, когда в дверь постучали.

– Сверре? – отозвался Улав. – Что ты здесь делаешь?

Старшему сыну Улава было уже под сорок, и отрицать, что Сверре внешне начал походить на него, с годами становилось все труднее. Как и он, сын был рослый, атлетичный, а на длинном, бронзовом от загара лице с небольшими сверлящими глазами выдавался крупный нос с легкой горбинкой, который злые языки называли соколиным клювом.

На сей раз сын оставил в шкафу свой обычный строгий твидовый пиджак с лондонской Савил-Роу⁸, надев великолепную черную рубашку, расшитую цветочным узором. К покорности на лице сына сейчас примешивалась бодрость.

– Я хотел поговорить с тобой, – сказал Сверре.

– Обойдемся без *walk-ins*⁹: я рассчитывал до конца дня любоваться фьордом, наслаждаться отсутствием встреч и писать доклад об отце.

– Дело касается погружения к затонувшему судну, запланированного на время конференции, – продолжал Сверре. – Тут находится один человек, и мне бы хотелось, чтобы ты с ним встретился.

Сверре возглавил проект *SAGA Arctic Challenge*, который будет осуществлен позднее в этом году. Сын проделал серьезную работу по организации конференции. Фонд САГА пригласит интеллектуалов из разных стран, зафрахтует «хуртигрутен», и судно пройдет мимо места катастрофы 1940 года, меж Лофотенскими островами и островами Вестеролен. Предприятие чисто норвежское и одновременно весьма привлекательное для иностранцев.

– Ага, – вздохнул Улав. – Ладно, заходите.

Спутник Сверре был в двубортном вишневом бархатном блейзере, который подействовал на Улава, точно красная тряпка на быка.

– Собрался на детский праздник к Стурдаленам¹⁰? – сказал он. – Еще вроде не время?

Разумеется, он прекрасно видел, кто перед ним. Улав не презирал выскочек-нуворишей, которые в последние годы запестрели в списках самых богатых людей страны, наоборот, в глубине души ему нравилось наблюдать, как неуютно чувствовали себя от их бесцеремонности собратья из денежной знати. И превосходил всех вульгарностью именно Ралф Рафаэльсен.

Улав распорядился подать кофе, пытаясь тем временем прикинуть соотношение сил между сыном и Рафаэльсеном. В последние годы СМИ часто писали о Рафаэльсене как о человеке предприимчивом и рисковом. В родных местах он создал огромное рыбоводческое предприятие и с тех пор только расширял поле деятельности.

– Итак, вы хотите обсудить погружение? – Улав обвел их взглядом. – И гидрокостюм принадлежит вам?

По плану, когда судно подойдет к месту крушения, дайвер в специальном костюме погрузится на три сотни метров, причем погружение будет демонстрироваться участникам конференции в прямом эфире.

– Совершенно верно. – Рафаэльсен смотрел прямо на него. – Только называть это снаряжение гидрокостюмом все равно что приравнивать рейсовый самолет к космическому шаттлу.

⁸ Савил-Роу – улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

⁹ Внеплановая встреча (*англ.*).

¹⁰ Петтер Анкер Стурдален – норвежский миллиардер.

– Или все равно что выпускать на рынок ваши рыбопродукты, именуя их атлантическим лососем, а? – отпарировал Улав. – У ваших хилых рыбешек сходства с гордым атлантическим лососем не больше, чем у пуделя с волком.

Рафаэльсен хохотнул.

– Экзокостюм – это революция. Внутри него обеспечивается нормальное атмосферное давление, так что проблем с кессонной болезнью не будет. По сути, это одноместная подводная лодка, и ее пилоту резкая перемена давления не грозит. В Норвегии только один такой костюм, и он мой. Погружение очень украсит конференцию.

Рафаэльсен продолжал рассуждения о технической оснастке этого чуда, но Улав особо не прислушивался. Ему было достаточно общих сведений. И он совершенно не понимал зануд-специалистов с их маниакальной одержимостью подробностями.

К его большой досаде, Сверре, который был лет на десять старше Рафаэльсена, вел себя, будто его подчиненный, смеялся шуткам северянина и не в меру энергично кивал, поддакивая каждому его слову.

Проблемы со Сверре были главной причиной того, что Улав в свои семьдесят пять по-прежнему возглавлял группу САГА, активы которой «Капитал» оценивал в 12 миллиардов крон. Хотя благосостояние семьи обеспечивали доходы от компании по недвижимости и от инвестиционного траста, Улав весьма пренебрежительно относился к торговцам, лавочникам и мелким коммерсантам. Зато всегда норовил завести речь о фонде САГА, где был председателем правления. Разумеется, деньги должны капать, однако у САГА иное кредо. САГА должен поведать историю страны. У одних миллиарды на банковском счету, у других – культурный капитал. Только САГА владеет и тем и другим.

Однако Улав едва ли захотел бы и на пенсии оставаться председателем правления, если бы САГА, подобно большинству общественно полезных фондов такого типа, занималась лишь конференциями и распределением стипендий. Уже в первые послевоенные годы компании семейства Фалк оказались вовлечены в деятельность секретных служб страны – сперва в проект, который обеспечивал обороноспособность на случай коммунистического вторжения, под названием *Stay Behind*¹¹, а затем... нет, история была длинная и запутанная. Денег сотрудничество с разведкой не приносило, да и общественного признания тоже. Наоборот, могло поставить весь бизнес под угрозу. Но Улав получал от этого нечто куда более важное – ощущение собственной значимости. И прежде чем думать об уходе, он должен посвятить в эти дела приемника, то есть, по уставу, одного из детей.

Вот почему он до сих пор стоял у кормила.

– Звучит неплохо. – Улав оборвал Рафаэльсена посреди рассуждений о специальной подводной видеокамере. – Скажем так.

– Есть еще кое-что, – сказал Сверре, словно готовясь к прыжку.

– Слушаю, – улыбнулся Улав.

– Как тебе известно... – начал Сверре, и Улав заметил, что он нерешительно мнетя. – Как тебе известно, в конференции будет участвовать множество именитых специалистов. Все они приняли приглашение, все хотят побывать на Лофотенах. Мы по-прежнему притягательны для людей. У одних миллиарды в банке, у других культурный капи...

– Давай к делу, – перебил Улав.

– Вот только что я получил подтверждение, что будет представлена королевская семья Саудовской Аравии, – сказал Сверре, – возможно, прибудет наследный принц на личном самолете.

¹¹ Здесь: «На страже» (англ.).

– Самая длинная посадочная полоса в стране – в Будё¹², – вставил Рафаэльсен. – В шестидесятом там садился У2, так что и для частного самолета отлично подойдет.

Сверре взглянул на него и продолжил:

– Мы с Ралфом обсуждали, не предложить ли молодым ВИП-персонам дополнительную программу. У Ралфа хорошие связи с вертолетчиками, и он может организовать несколько машин. После обеда сядем на вертолеты, слетаем к Лофотенам и в имение Ралфа на Вестеролене, а на следующее утро вернемся на судно.

– Так сказать, добавка, – ввернул Рафаэльсен.

«Королевская семья Саудовской Аравии... организует вертолеты... имение Рафаэльсена...» – обрывки фраз сливались в мозгу Улава в путанный кошмар вроде тех, что порой мучили его в детстве.

Он долго молчал, склонив голову набок, потом наконец обронил:

– Можно мне сказать?

– Для того мы и здесь, – отозвался Сверре.

Улав кашлянул.

– Когда я последний раз был в Лондоне, в отеле «Дорчестер», я разговорился с тамошним портье. Он спросил, не хочу ли я остановиться в апартаментах, как обычно поступают Фалки.

Он заметил, что при упоминании отеля сын прикусил нижнюю губу, словно догадываясь, что будет дальше. Улав улыбнулся и продолжил:

«Ну что вы, – сказал я портье, – лично я предпочитаю обычные номера, лишь бы с хорошим видом из окна, хоть я... – Он выдержал паузу, словно подбирая слова. – ...Хоть я и богатый человек. – Но ваш сын всегда живет в апартаментах, – ответил портье. – Да, – сказал я, – но он *сын* богатого человека».

Он долго смотрел на Сверре; тот сидел с открытым ртом и пристыженным взглядом. Ралф Рафаэльсен осторожно засмеялся.

– В Норвегии хорошо сколотить капитал и быть состоятельным. Обычно норвежцы не имеют ничего против людей с деньгами, наоборот, восхищаются как людьми рискованными и ловкими. И здешние законы прекрасно защищают наши интересы. Но баланс этот хрупок. Точно так же, как мы восхищаемся дельностью и старанием, мы ненавидим декаданс и упадок. Со знатью мы почти не сталкивались, тем паче что по закону о дворянстве от тысяча восемьсот двадцать первого года титулы и привилегии были упразднены. Управлять в Норвегии состоянием – во всяком случае, если имеешь бóльшие амбиции, чем финансовый инвестор, если хочешь стать созидателем общества, – означает не бороться с профсоюзами и не нанимать за гроши поляков, чтобы нелегально строить себе дома.

Улав посмотрел на Ралфа, который выглядел как школяр, пойманный на краже сластей в магазине. Газеты много писали об условиях труда рабочих, когда он строил на Вестеролене свою огромную виллу.

– В Норвегии управлять состоянием означает понимать норвежскую модель, – продолжал Улав. – Понимать трехстороннее сотрудничество – работник, работодатель и государство, понимать преимущества минимального разрыва в оплате труда, а вдобавок крепко выпивать с доверенными лицами и руководством Объединения профсоюзов. Ведь, собственно говоря, это и есть норвежская модель. Мы заботимся о том, чтобы рядовые, честные люди жили хорошо, платим им деньги, чтобы они могли съездить на курорт, купить новый автомобиль, взять ипотеку и купить жилье. Взамен мы получаем народ, который относится к нам с уважением, не голосует за подстрекателей и не штурмует наши владения. А все, что вы тут говорили об идеях, связанных с поездкой, об этих чертовых саудовских арабах, вертолетах и вечеринке в вашем имении, идет вразрез с таким общественным договором.

¹² Будё – административный центр фюльке Нурланн.

– Не учи отца своего... – воскликнул Рафаэльсен.

Он не договорил, потому что в дверь постучали.

– Я занят, – сказал Улав.

Тем не менее секретарша заглянула в дверь.

– Плохо со слухом? – раздраженно спросил Улав.

– Простите, но дело очень важное.

– Подождет.

Он потянулся к чашке с кофе, но взгляд вошедшей секретарши – одновременно изумленный и какой-то мертвый – заставил его передумать.

– Разговор окончен, – сказал он Сверре и Рафаэльсену; те недоуменно переглянулись, поскольку разговор прервался так внезапно, однако встали и вышли из кабинета.

– В чем дело? – спросил Улав, когда они с секретаршей остались вдвоем. Но в глубине души он уже знал ответ.

Глава 3. Ничейная земля

Американский центр радиоперехвата, где-то на Ближнем Востоке

Когда конвоиры ввели Джонни Берга в освещенную комнату, он вспомнил, что# когда-то говорил ему наставник, старый офицер, которого все звали инициалами, Х.К.: «Пытка – это в первую очередь не сама боль, а ожидание, какой она будет».

Берг понятия не имел, где находится. Недели и месяцы после того, как его схватили курдские ополченцы, виделись словно сквозь плену, так бывает в пургу на горном плато, когда не знаешь, где кончается земля и начинается небо, когда минуты, будто часы, и наоборот.

Его перевозили из одного лагеря военнопленных в другой, а в итоге он оказался в тюрьме у американцев.

Прежде чем втолкнуть в комнату, конвоиры сняли с Джонни балаклаву: пусть, мол, видит, что его ждет. Лампа дневного света под потолком слепила глаза. Из динамиков оглушительно гремел тяжелый рок.

Посередине стояла слегка наклонная лавка, с кожаными ремнями по бокам, черной шерстяной балаклавой и аккуратно сложенным полотенцем. В комнате ждали двое мужчин в балаклавах, серых флисовых куртках и камуфляжных армейских берцах. У стены стояли две канистры с водой.

Музыка умолкла.

Сердце у Джонни стучало молотом. Да, думал он, смотреть на это – уже испытание, страшный сон, что угодно, дайте мне уйти, это хуже смерти.

– Яхья Сайид Аль-Джабаль? – сказал один с сильным американским акцентом. – Так тебя зовут?

Джонни не ответил.

– Я задал вопрос, – сказал мужчина, чуть громче.

– Нет, сэр, – ответил Джонни, – меня зовут Джон Омар Берг.

– Национальность?

– Норвежец.

– О'кей, – сказал мужчина сквозь балаклаву, по-прежнему без агрессии в голосе, – у нас есть несколько вопросов, на которые ты должен ответить.

В разговор вступил второй мужчина, тоже в балаклаве, но телосложением покрупнее. Тон был будничным, будто речь шла о ремонте стиральной машины, певучий говор выдавал уроженца южных штатов:

– Есть два способа получить ответ. Ты предпочтешь первый.

Джонни не сводил глаз с шершавой серой стены.

– Ты ездил в Ирак и в Сирию под именем Аль-Джабаль, – сказал здоровяк. – Пересечение границы, по данным органов курдского самоуправления, зарегистрировано в Эрбиле¹³ двенадцатого сентября прошлого года. А теперь ты говоришь, что Аль-Джабаль имя не настоящее?

Джонни зажмурился, откинул голову назад, закрыл лицо руками.

– Я не могу вдаваться в детали задания, – сказал он. – Но мое начальство может подтвердить.

– Чем ты здесь занимался? – наседали американцы.

Что стоит здесь и сейчас подписка о неразглашении? Да ничего.

– Я должен был... хм... ликвидировать норвежского добровольца.

– Его имя?

– Абу Феллах. Норвежские инстанции могут подтвердить мои слова.

¹³ Эрбиль – город в Курдистане, расположен на севере Ирака.

В последний год европейские мусульмане толпами хлынули в этот регион строить ново-провозглашенный «халифат». Западные службы безопасности всполошились. Опасались, что эти люди, обладающие боевым опытом и воинственные, решат вернуться в свои родные страны.

Американец медленно покачал головой, под балаклавой слегка обозначились черты лица.

– Мы навели справки. Ни Норвегия, ни другие союзники не могут подтвердить твою складную историю.

Джонни почувствовал, как перехватило горло, дышать стало нечем. Все ему приходит конец, в том числе и удаче, которая до сих пор была на его стороне. Десять лет он работал на разведку, в самых горячих точках, в Афганистане, Ливии и Ираке. Удостоился многих наград. Не раз был на волосок от гибели, но бог любит норвежцев, так вроде говорят?

Дело дрянь.

– Повторяю, – продолжал допросчик. – Чем ты занимался?

За долгие годы службы все в нем выгорело, иллюзии пропали. Ближний Восток так или иначе катится в тартарары, хоть вмешивайся Запад, хоть не вмешивайся. Вмешательство либо бессмысленно, либо только ухудшает положение.

Примерно год назад с ним связался некий офицер, предложил задание вне официальных каналов. Задание величайшей национальной важности, для выполнения которого мирной Норвегии не достало политической воли. Нужно было выехать в Курдистан, забрать американское оружие, купленное на оружейном рынке в столице, связаться с бывшим американским спецназовцем, который сражался там против Исламского государства¹⁴, и перейти через ничейную землю, то есть фактически через линию фронта, в подконтрольный ИГ поселок, где находился норвежец Феллах. О том, что посылают его без ведома государства, никто словом не обмолвился.

На миг вспомнилось случившееся – пот, сердцебиение и обрывки зрительных образов. Низкий дом, зеленая картинка в приборе ночного видения. Прохладные комнаты, пыльные ковры, выстрелы через глушитель, взгляд мальчугана в коридоре.

Думать об этом не было сил, и Джонни оттолкнул воспоминания.

Их засекли прямо перед тем, как они добрались до зарослей высокой травы на ничейной земле. Задание было выполнено, только вот американец погиб. Джонни сумел сбежать, однако когда вернулся на курдскую сторону, курдские ополченцы задержали его. Почему его цапали, он не знал, но предполагал, что ИГ пустило слух насчет исчезновения одного из их собственных людей. Отомстило ему за содеянное и за то, что он сумел от них сбежать. На фронте все знали, что воюющие стороны доверяли депешам друг друга.

Курды отвезли его в лагерь интернированных террористов, а затем передали американцам. Вот почему он здесь, в комнате без окон, у людей, которые не верят его рассказу.

До него дошло, насколько безнадежна ситуация. Задание было неофициальное, *deniable*, а те, кто с норвежской стороны мог бы сказать свое слово в его поддержку, палец о палец не ударили. Вдобавок он был смуглым черноволосым норвежцем с арабскими корнями, который очевидным образом утратил доверие к западной военной стратегии.

Норвежские власти награждали его медалями за отвагу. Ему жали руки генералы, министры и члены королевской семьи. Но в глубине души он знал, что всегда останется в их глазах чужаком. И все смуглокожие норвежцы это знали. Когда проявляешь храбрость в бою или успешно выступаешь в национальной команде, ты стопроцентный норвежец. Но когда все летит к чертовой матери, ты всего-навсего паршивый марокканец, черномазый, даго, мусульманин, иностранец, четырнадцатилетний мальчишка, которому пришлось удирать от нацистов и, стиснув зубы, прятаться в кустах. Норвежцы любят онорвежившихся, угодливых иностран-

¹⁴ Исламское государство (также ИГ, ИГИЛ, ДАИШ) – международная исламистская организация. 29 декабря 2014 года признана Верховным судом РФ террористической организацией, ее деятельность на территории РФ запрещена.

цев, которые зимой ходят на лыжах, 17 мая¹⁵ наряжаются в бюнады¹⁶, а на Рождество едят ребрышки, но вдобавок им нравилось, когда подтверждались их предрассудки: «Ясное дело, нельзя было ему доверять».

Он, Джонни, был превосходным козлом отпущения.

Американцы натянули ему на голову плотную черную балаклаву, уложили на косую лавку. Уложили на спину, и один затянул ремни прямо поперек трех диагональных шрамов у него на груди, так что пошевелиться он не мог.

Кроме бульканья воды в канистрах, которые подняли с полу, царила полная тишина. Все черным-черно. Он почувствовал, как в лицо плеснули затхлой водой, она потекла в черную балаклаву, медленно залилась в ноздри. Мокро, вода хлюпает.

Он задержал дыхание, надолго, пока легкие не закричали и боль не свела все нутро. В конце концов все почернело.

Джонни думал об Ингрид. С тех пор как он стал отцом, мечты о дочке всегда поддерживали его, когда приходилось совсем туго. Иной раз она была так близко, что Джонни мог погладить ее по длинным, до плеч, темным волосам. Она сидела рядом с ним среди узников в оранжевых робах на краю железной койки, болтала короткими ножками со ссадинами на коленках и грязными ногтями или хитро рассаживала кукол, прислонив к стене камеры, и играла с ними или наказывала. Была близко-близко, когда легкими детскими шагами шла к умывальнику почистить зубы розовой пастой, а потом исчезала, как исчезает мираж на длинной дороге через пустыню. Она была его кровь и плоть, с его чертами, смесь норвежского и чего-то чужого, он и сам не знал чего.

Страх вдохнуть воду у людей настолько силен, что превосходит страх остаться без кислорода.

В конце концов он сдался, уже не зная, вдохнул или выдохнул, дыхательные пути просто наполнились водой, а сам он тонул, беспомощный, как человек, оказавшийся взаперти, глубоко в недрах тонущего корабля. Инстинкт, не позволяющий дышать под водой, был тоже настолько силен, что он мог признаться в чем угодно, совершенно в чем угодно, лишь бы этого избежать.

Сопrotивляться невозможно.

Кто в ответе за то, что он здесь мучается? Да, задание пошло наперекосяк, бывает, но что заказчики пальцем не пошевелили, этого простить нельзя. Если он когда-нибудь отыщет виновных, то не пожалеет оставшейся жизни, все сделает, чтобы с ними случилось то же самое, чтобы они лежали тут, на деревянной лавке в темном подвале, и чувствовали, как вода заливают дыхательные пути.

– Я... я...

Мужчины подняли его, усадили. Джонни набрал воздуха и в страхе и боли выкрикнул:

– Меня зовут Джон Омар Берг, раньше я был «морским охотником»¹⁷ и разведчиком! Под... именем... Яхья Аль-Джабаль... я приехал сюда, чтобы примкнуть к Исламскому государству.

– Отлично. Отведи его обратно к курдам, – сказал американец.

¹⁵ 17 мая – национальный праздник Норвегии, День конституции.

¹⁶ Бюнад – традиционный народный костюм, в каждой области страны свой.

¹⁷ «Морские охотники» – подразделение морского спецназа Норвегии, выполняет контртеррористические и боевые операции.

Глава 4. Что это за писанина?

Сын вошел, когда Улав голышом стоял в раздевалке, поставив одну ногу на скамейку, и натирал «спенолом» внутреннюю поверхность бедра.

Тем утром, когда ему сообщили о смерти, он сразу понял, что случилось. В глубине души он всегда знал, что мать сведет счеты с жизнью. Знал все семьдесят пять лет. Ожидал этого. В детстве по ночам слышал, как она кричала. Надеялся, что это прекратится. Мать закончила свои дни в воде, в точности как отец.

До похорон осталось четыре дня, дел по горло. Необходимо держать все под контролем, сохранять статус-кво. Ведь именно Вера создала нынешний Редерхёуген и заложила основы САГА. Ее смерть может породить новые вопросы, ведущие вспять, в темные годы, что в свою очередь разверзнет бездну внутрисемейного разлада.

Нет. Он перевел дух.

Не спеши, не вали все в кучу, подумал Улав, проблемы вокруг смерти матери надо решать, как всегда, спокойно и систематично.

Он уполномочил Сири Греве, семейного адвоката, забрать у городского судьи¹⁸ Верино завещание.

С минуты на минуту Сири вернется, и Улав со страхом думал: что же там, в завещании?

Он давно уже разговаривал с матерью разве что раз в год, в свой день рождения в конце июля, и она всегда плакала. Как считал Улав, его конфликт с матерью имел совершенно очевидную причину. Для него самым важным были интересы клана, мать же всегда ставила себя выше семьи.

Звук открывающейся за спиной двери резко вырвал его из размышлений. В запотевшем зеркале он узнал Сверре. Чем старше становился сын, тем больше походил на давние фотографии самого Улава, только вот в Сверре сквозило что-то бессильное и уклончивое, хотя по фотографиям этого не видно, как не видно, скажем, различий между настоящим «Ролексом» и хорошей копией.

– Ты? – сказал Улав, продолжая втирать крем. Раньше он думал, что уж где-где, а в армии сына наверняка научат уму-разуму, подготовят к задачам, какие ждут его в САГА. Но нет, сын отслужил срок за границей и вернулся домой бледный и дрожащий.

Сверре кивнул, его вроде как смутила отцовская нагота.

– Вчера вечером священница прислала мейлом проект своей речи. Я сделал распечатку.

Улав обернул бедра полотенцем, взял распечатку, начал читать: «Вера Линн покинула земную юдоль».

– Сверре? – сказал он, взмахнув распечаткой. – Что это за хреновина?

Сын не отрывал глаз от мокрого пола.

– «Оставила свой дорожный посох...» Что это за писанина? Ерунда какая-то, Сверре! Мама была писательницей. Язык – орудие ее труда. Да она бы скорее дала руку на отсечение, чем написала такое.

– Писательница. Ну и что? Последний раз ее печатали чуть не пять десятков лет назад. И это вот написал не я, а священница.

– Плевать я хотел на норвежских священниц, на всю эту шайку безбожных лесбиянок-социалисток. Надо было дать ей несколько тезисов про Веру, которые даже священница не могла бы истолковать превратно. Это никуда не годится. – Улав скомкал листки, швырнул в

¹⁸ В Норвегии городской судья по совместительству регистрирует браки и разводы, а также выполняет функции нотариуса и судебного регистратора.

мусорную корзинку. – Попрошу Александру еще раз поговорить с этой священницей. Если она опять не справится, мы ее заменим. В крайнем случае пусть Александра сама напишет речь.

– Ты просил меня, а не Сашу, – хмуро сказал Сверре.

Улав брызнул одеколоном в ямку на шее.

– Датчане экспортируют свинину, французы – вино, Норвегия – нефть и лосося. Понимаешь, о чем я? Если б мы воевали и хотели ликвидировать лидера Талибана из дальнобойной снайперской винтовки, я бы, конечно, попросил тебя. Я очень ценю твою работу в Афганистане, Сверре.

Сын не ответил.

– У нас, у людей, разные природные задатки. Покойный Адам Смит назвал бы это разделением труда. Зря я сначала попросил тебя. – Улав улыбнулся. – Моя ошибка.

Сверре мрачно смотрел на отца. Улава бесконечно раздражало, что сын даже не пытается возражать. Сейчас он явно обижен, хотя Улав всего-навсего сказал правду. Но рано или поздно ему придется этому научиться.

С ранних лет Улав воспитывал Сверре как будущего наследника. Часто бросал перепуганного мальчонку в холодную воду, тот кричал и трепыхался, как рыбка. Лишь через год-другой он свыкся с суровым воспитанием, но Улав рассчитывал, что сын оценит «приучение к воде», когда станет старше. Увы, этого не произошло.

В молодости Улав всегда думал, что уйдет с поста директора САГА и председателя правления фонда в обычном пенсионном возрасте. Но время шло, а он все не находил ни подходящего времени, ни достойного преемника. И поднял пенсионный возраст до семидесяти, о чем и сообщил детям и коллегам. Однако во время пышного торжества по случаю своего семидесятилетия, на котором присутствовали король и премьер-министр, постучал по бокалу и объявил, что после долгих размышлений решил «продлить свой срок».

Формально и юридически закон был на его стороне. Как основателю фонда САГА устав давал ему право оставаться у руля сколь угодно долго, без каких-либо ограничений. Ведь без него семья станет еще одной сворой наследников старых денег, вечно сидящих в долгах, с огромной недвижимостью и нулевыми активами.

– Это была попытка что-то сказать о человеке, который много для нас значил, – сказал Сверре. – А вовсе не новогодняя речь премьер-министра.

Улав обнял сына за плечи.

– Новогодние речи гроша ломаного не стоят, чувства в речах норвежских политиков не больше, чем в их публичных отчетах.

– Я в политики не собираюсь.

– Вот и хорошо, – сказал Улав. – Политики избираются на несколько лет и, отведав чуток афродизиака власти, уходят в забвение. Глянь на список тех, с кем вместе я заседал в правительстве. Все забыты, за редким исключением. *A has been*¹⁹ политик – зрелище почти столь же печальное, как неудачливая телезнаменитость или спортсмен, ставший наркоманом. Ты, Сверре, из уцелевших, боксер с гранитной челюстью. Станешь руководителем, придется терпеть комментарии и похуже. Когда я был министром обороны, стервятники охотились за мной круглые сутки. Жизнь – это борьба, Сверре, ледяная купель, из которой ты либо выберешься на сушу, либо утонешь. Ладно, идем.

Они вышли из раздевалки в коридор. В одном его конце винтовая лестница вела наверх, в башню, где располагался кабинет Улава. В противоположном конце была двустворчатая дверь в библиотеку, где в полном составе соберется семья, чтобы всесторонне обсудить задачи, связанные с кончиной Веры.

¹⁹ Отставной (англ.).

Сири Грeve стояла, прислонясь к шершавой каменной стене. Как всегда, на ней был костюм с юбкой в обтяжку, подчеркивающей длинные ноги, темно-синий цвет красиво контрастировал с волнистыми белокурыми волосами.

По ее взгляду Улав мгновенно понял, что есть важные новости.

– Сверре, ты иди, а я быстро поговорю с Грeve, – сказал он, жестом отсылая сына.

Тот, не говоря ни слова, исчез, а Улав по гранитному полу направился к адвокату. Что-то явно не так, как надо.

– У тебя плохие новости?

– Боюсь, могут возникнуть сложности, – ответила Грeve.

– Переход наследства легким не бывает, – сказал он, словно пытаясь отсрочить неприятности.

Грeve отбросила волосы со лба и сказала как отрезала:

– Завещание пропало.

Улав замер, руки в карманах. Мерзкий вкус во рту, ощущение, что он потерял контроль.

Он был готов к тому, что завещание преподнесет неприятные сюрпризы, но никак не ожидал, что оно исчезло.

– Завещание так просто не пропадает, – сказал он. – Я полагал, у судьи оно в надежной сохранности?

– После семидесятого года Вера Линн действительно хранила свое завещание у судьи, – отвечала Грeve.

– В таком случае нам надо только получить к нему доступ?

– Судья письменно подтверждает, что твоя мать под расписку забрала завещание. – Грeve помахала бумагой. – Забрала в тот день, когда совершила самоубийство.

Улав потер пальцами кончик носа, потом рот, потом подбородок.

– Мама забирает завещание, чтобы затем прыгнуть с Обрыва?

– В голове укладывается с трудом, – сказала Грeve, – но выходит так.

Он засунул руки в карманы, прошелся по лестничной площадке.

– Каков здесь *worst case*²⁰, Грeve?

Таков был его всегдашний принцип, его деловой секрет: когда эксперты по атомному оружию или климатологи выступали в САГА с докладами, Улав непременно спрашивал, до чего все может дойти в худшем случае, и соответственно выстраивал стратегии.

– Возможно, Вера хотела избавиться от завещания. Но *worst case*: она составила новое, юридически неоспоримое завещание, учитывающее интересы других ветвей семьи.

– Ханса и этих чертовых бергенцев, – проворчал Улав.

Ословская ветвь в Редерхёугене, сперва под божественным присмотром Веры, а позднее под его собственным надзором, очень разбогатела благодаря доходам группы САГА. А одноименный фонд вдобавок обеспечил их кое-чем еще более ценным – влиянием. Но надолго ли?

– Такие вот дела. – Грeve кивнула на библиотеку. – Пора. Идем.

²⁰ Самый худший вариант (*англ.*).

Глава 5. Значительные ценности

Итак, вопрос в том, где похоронить усопшую, – сказал похоронщик, упитанный краснощекий мужчина средних лет в темном костюме.

На сей счет Саша составила себе вполне обоснованное мнение и послушно подняла руку.

Четыре дня минуло с тех пор, как она нашла бабушку, и все время, днем и ночью, перед глазами у нее стояла эта картина: тело под обрывом, лежащее ничком, промокший вязаный жилет с гербом, темно-зеленый от воды. Никогда раньше Саша не находила покойников, видела и то очень-очень редко.

С собственными травмами она как-нибудь справится. Куда хуже было навалившееся на нее чувство вины. Вера повела себя странно, уже когда Саша задала наивный, дурацкий вопрос, может ли бабушка рассказать о кораблекрушении. И тем же вечером Вера положила конец всему.

– В Мемориале на Кладбище Спасителя? – предложил Сверре.

– Он уже потерял былой блеск, – буркнул Улав. – Либо переполнен, либо просто вышел у покойников из моды.

– Папа, – резко сказала Саша. – Нельзя так говорить.

– Отец похоронен на Западном кладбище, – продолжал Улав. – Западное вполне подойдет. Родственное захоронение, никаких вопросов не возникнет.

– Я против, – сказала Саша.

Все взгляды обратились на нее. Сопровождение происходило в библиотечном атриуме, светлом, круглом помещении радиусом примерно пять метров. Солнце светило в узкое окно, кольцом опоясывающее помещение, и слепило Сашу. На круглом плафоне – сюжеты библейских Книг Царств. Под окном, до пола из светлого полированного гранита, тянулись стеллажи с книгами, посередине стоял стол и глубокие кресла для читателей, где теперь и расположилась семья.

– И с чем же ты не согласна? – спросил Улав.

– Я предлагаю устроить мемориал у Обрыва, – ответила Саша. – А ее прах развеять над фьордом.

Похоронщик неуверенно глянул по сторонам и записал.

– Над фьордом, ну что ж.

Улав не удостоил его взглядом, посмотрел на адвоката:

– Грехе, что на сей счет говорит закон?

– Чисто формально это возможно, коль скоро развеивание праха происходит не над плотной застройкой и не над акваторией с интенсивным движением прогулочных судов.

Далее похоронщик заговорил о практической стороне церемонии – устроит ли их мореный гроб из вишневого дерева, какую фотографию Веры они предложат для программы прощания, какие музыканты будут играть в церкви и на поминках.

– Как насчет «Серебряных мальчиков»? – спросил Улав. – Я хочу, чтобы в церкви пели именно они.

Похоронщик замялся:

– На хор мальчиков всегда много запросов, и, мне кажется, заполучить их будет трудно, срок слишком короткий.

– Ладно, – с досадой сказал Улав, глянув на «Ролекс-Дейтону» с ремешком цветов норвежского флага. – Я сам позвоню дирижеру. И если у нас возникнут еще вопросы, мой сын позвонит вам.

Похоронщик кивнул и поспешил к выходу.

Вполне в духе отца – вот так унижать людей, но, долгие годы наблюдая подобные сцены, Саша об этом почти не задумывалась. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, Сири вовлекла ее в свой круг: формально – любительниц женской бани под Редерхёугеном, а по сути, женщин, настроенных противостоять мужскому засилью в семье.

Что бы им и бабушку туда пригласить, она была вполне себе стихийной феминисткой, однако это никому в голову не пришло. Да и сама бабушка при всей ее буйной фантазии вряд ли бы согласилась, а теперь уже поздно.

Улав откашлялся.

– Цель нашего небольшого совещания – довести до вашего сведения, во-первых, практическую информацию о похоронах, а во-вторых, юридические вопросы, связанные с наследованием. Андреа по-прежнему в Швеции, но постарается приехать как можно скорее.

Сверре бросил красноречивый взгляд в сторону Саши, оба они единодушно считали младшую сестру человеком безответственным. Андреа была результатом случившегося в 90-е годы недолгого романа отца со спившейся дамочкой из мелкопоместных шведских дворян.

– Александра, Мадс летит домой? – спросил Улав.

Саша покачала головой.

Когда она рассказала о смерти бабушки, муж ответил, что бронирует билет на первый же рейс домой, но она его отговорила. Хотя обыкновенно именно Мадс был ей наперсником, смерть Веры сблизила ее с семьей. Веру он знал более чем поверхностно, а самоубийство – дело семейное, внутреннее и в общем-то его не касается.

– Я его отговорила, он прилетит в день похорон.

– И хорошо. У него в Азии важные деловые встречи. – Улав поочередно обвел взглядом собравшихся. – На всякий случай сообщаю: мы тесно сотрудничали с полицией. Они действовали по стандартной процедуре: провели осмотр места происшествия, изучили ее телефонные звонки, опросили всех, кто был здесь, а в итоге исключили возможность преступления и закрыли дознание. Вполне естественно, но все ж таки облегчение.

Он тускло улыбнулся и посмотрел на Сири Гreve так, будто у них есть общий секрет. Неужто Вера разнесла свое завещание гранатами, например?

– Я хочу точно знать, что содержится в завещании, – сказал Сверре.

Иной раз брату удавалось блеснуть точностью мысли, однако, к Сашиному удивлению, и отец, и Гreve почему-то пришли в замешательство.

– С маминым завещанием возникли некоторые сложности, – сказал Улав.

– Сложности? – в один голос проговорили Саша и Сверре.

– Да, – кивнула Сири Гreve.

– Завещание не обнаружено, – сказал Улав. – Мне только что сообщили, что мама забрала его у судьи в тот день, когда покончила с собой.

В атриуме надолго воцарилась тишина.

Сашу будто огрели молотком по затылку. Голова пошла кругом.

Черт побери, думала она, с какой стати из-за этого известия я чувствую себя виноватой? Ну, то есть виноватой не в юридическом смысле слова, а в моральном. Уму непостижимо. Просто очень странно. Включить кого-то в завещание или, наоборот, обойти наследством – это хотя бы логическое следствие ненависти или любви.

Но забрать завещание и покончить с собой?

Что-то здесь не так. И она не могла отделаться от ощущения, будто это связано с неким высказыванием, которое она обронила в разговоре с бабушкой.

– Но почему? – спросил Сверре.

– Не знаю. Может быть, она вообще не хотела наследования по завещанию, – сказал Улав. – Иначе зачем было его изымать?

– Что это означает юридически? – продолжил сын.

Сири встала. На протяжении нескольких поколений ее семья была юридическим представителем Фалков. Улав не очень-то доверял посторонним. А у Сири с родословной все в порядке, к тому же она замечательный юрист и, прежде чем Улав переманил ее в САГА, успела стать компаньоном в одной из ведущих фирм.

– Если наследодатель не составил заверенного завещания, право наследовать переходит к наследникам по прямой, в данном случае к Улаву. Покуда мы исходим из предположения, что Вера составила завещание, но оно не найдено. Чтобы понять, насколько высоки здесь ставки, нам необходимо четко представлять себе, чем Вера фактически владела, а к чему не имела касательства.

– Как насчет предприятий САГА? – спросил Сверре.

– В САГА Вера доли не имела. Там своя система наследования, по нисходящей линии. Детали вам известны. Улав контролирует компанию, каждый из троих детей владеет меньшей долей. То же касается бергенцев. Как вы знаете, в случае возможной продажи акционеры-члены семьи имеют преимущественное право на покупку. Так что судьба группы САГА не должна вас заботить.

– Отец понимал, насколько важно, чтобы семья всегда сохраняла контроль над САГА, – кивнул Улав.

Подобно всем своим предшественникам, патриархам семейства Фалк, он был буквально одержим мыслью о смене поколений. Навещая Сашу в роддоме, когда родилась Камилла, он, новоявленный дед, подхватил малышку на руки и сказал: «Бесконечность поколений. Что может быть прекраснее?»

Сири обвела взглядом собравшихся.

– Таким образом, оставленное Верой наследство, чем бы оно ни регулировалось – законом о наследовании или завещанием, – это в первую очередь недвижимость. Важнейшая семейная недвижимость: Хорднес в Бергене, охотничий домик в Устаусете и, разумеется, Редерхёуген. Стало быть, значительные ценности.

«Значительные ценности» – вот так нынче говорят, вдобавок еще и «охотничий домик», а фактически – целый хутор.

– Просто из интереса, – сказал Сверре, – сколько стоит эта недвижимость?

Сири натянуто улыбнулась. Саша заметила, до какой степени брат ее раздражает.

– Н-да. Нетрудно прикинуть цену трехкомнатной квартиры или обычной виллы, поскольку рынок велик и такая недвижимость все время продается и покупается. Но охотничий домик, Хорднес и Редерхёуген? Все три и каждый по отдельности уникальны для страны и стоят столько, сколько вероятный покупатель готов заплатить. А таких покупателей немного.

– Вы говорили с бергенцами? – Сверре подался вперед.

– Они наверняка клянчили у нее деньги, – сказал Улав.

Дела у бергенцев шли до того скверно, что роскошную старинную усадьбу на Хорднесе возле Фана-фьорда даже пытались принудительно продать с молотка. Вера купила ее и позволила им жить там, за грошовую аренду, но, по словам отца, доходы бергенцев были так скудны, что им едва хватало средств на оплату счетов за электричество.

– Вы опасаетесь, что Вера могла завещать бергенцам один или несколько объектов недвижимости? – спросила Саша.

– Вполне возможно, – ответила Сири.

Улав встал и беспокойно прошелся по атриуму.

– Ханс и бергенцы знали, что Вера по-прежнему указана как владелица нашей недвижимости. Ханс – юбочник, и на сей раз он попробовал заигрывать с эксцентричной девяностопятилетней старухой. Иначе как низостью это назвать нельзя.

Люди из самых лучших семей – и те утрачивают способность к здравым суждениям, как только речь заходит о разделе наследства. И все-таки Саша думала, что собственная ее семья

сумеет держаться вполне достойно. Какая наивность. Порой очень тяжело быть одной из Фалков.

– Это серьезное обвинение, – сказала она. – Мы ведь понятия не имеем, что произошло. Все это домыслы, причем предельно пессимистичные.

– Ханс и бергенцы все время цеплялись к нам, еще когда тебя, Саша, на свете не было. Так и не примирились с тем, что в семидесятые плохо разыграли свои карты.

– Все равно это домыслы, – сказала Саша. – До похорон осталось несколько дней. Если Вера забрала завещание и спрятала, оно наверняка где-то здесь.

– Ладно, Александра. Я хочу, чтобы ты тщательно обыскала все на Обрыве.

Саша послушно кивнула отцу.

– А почему так важно найти его? – спросил Сверре. – Завещание ведь так или иначе не подлежит отмене?

– Потому что информация – сила, – сказала Сири и через стол улыбнулась Саше.

Улав опять обратился к дочери:

– Как только найдешь, немедля сообщи мне.

– Может, попробуем поговорить с Хансом? – сказала Саша. – Вдруг он что-то знает.

– Я пробовал, но каждый раз попадал на автоответчик, – сказал Улав. – Он, как обычно, где-то вне зоны доступа.

Глава 6. Договорились?

ФРОНТ, ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН

– Последний шанс развернуться, – сказал шофер на ломаном английском, прикуривая от окурка новую сигарету. – Слишком опасно.

– Едем дальше. – Ханс Фалк опустил стекло старенького пикапа.

Дорога к тюрьме змеилась между зарослями плауна, бетонными блоками, бронетранспортерами и укреплениями из мешков с песком. Курдские спецназовцы в сероватом американском камуфляже стояли в карауле и, чтобы согреться на холодном пустынном ветру, то и дело хлопали себя по плечам.

Грязный «лендровер» медленно подъехал к первому КПП. Солдат в балаклаве и кевларовой каске остановил машину, второй проверил багажник и кузов на предмет оружия и бомб, с помощью зеркала осмотрел шасси. Потом махнул шоферу, и они опять двинулись по пыльной дороге.

У следующего КПП, всего сотней метров дальше, Хансу велели выйти из машины. Густой дым поднимался из ржавой нефтяной бочки, словно одеялом накрывал КПП, к запаху дыма примешивался запах горячего и пряной баранины. Запах Ближнего Востока.

Женщина-солдат приказала Хансу снять горные ботинки, жилет и куртку, обыскала его и просканировала металлодетектором. Блестящие глаза, лицо хмурое, узкое, асимметричное ровно настолько, чтобы выглядеть традиционно красивым.

– Какое у вас дело в тюрьме?

– Хочу потолковать с вашим начальством, – улыбнулся Ханс.

Ответной улыбки не последовало, но женщина проводила его в караульное помещение. В голой комнате за металлическим письменным столом, под красной курдской звездой на желтом фоне стены, сидел упитанный офицер в зеленой полевой форме, которая была ему на размер маловата. Ханс выложил на стол документы, удостоверение врача и сопроводительное письмо.

Начальник тюрьмы не торопясь листал бумаги. Поглаживал усы.

– Так-так... Афганистан в восьмидесятых, Ливан, Газа, Босния, Ирак, Сирия. Но в первую очередь Курдистан, вы давний друг нашего дела, как мне сказали. Соавтор учебника по полевой анестезии, которым пользуются врачи на театре военных действий по всему миру. Внушительная карьера, мистер Ханс.

Ханс кивнул, без воодушевления.

– Но ведь нашу тюрьму неоднократно инспектировали врачи из Красного Полумесяца, – продолжал начальник, – и не нашли к чему придраться. Мы обращаемся с врагами лучше, чем они с нами. Мы люди цивилизованные, а не звери. Вы в курсе, какие опасности грозят вам на территории тюрьмы? Если возникнут беспорядки, я не уверен, что мы сумеем вас вызволить.

– Я готов пойти на риск. – Ханс отпил глоток чая, приторного, как конфета. – У меня карт-бланш от норвежских властей на лечение норвежского заключенного.

Он по-прежнему никак не мог использовать имя Яхья Аль-Джабаль, когда думал о Джонни Берге, человеку, которого искал вот уже несколько месяцев, с тех пор как Х.К. шепнул ему, что Джонни пропал в Сирии.

– Парень очень опасен, с ним предписано соблюдать строжайшие меры предосторожности, – заметил начальник тюрьмы. – Доставлен к нам от американцев, которые крепко над ним поработали. Наши западноевропейские узники в большинстве люди малообразованные, в прошлом мелкие правонарушители. Сброд, подонки, садисты, преступники, это верно, но умом не блещут. Аль-Джабаль другой. Он из бывших норвежских спецназовцев, насколько я понял, говорит по-арабски и немного по-курдски, достаточно знаком с нашей культурой, чтобы

сойти за симпатизанта. Можно спросить, почему именно Аль-Джабалу требуется медицинская помощь?

– Клятва Гиппократа обязывает меня лечить всех, и друзей, и врагов, – спокойно ответил Ханс, пригубив чай. – Меня тревожит его здоровье.

Норвежские власти считали Берга мертвым, но старый приятель Ханса из разведки шепнул ему, что ходят слухи, будто на самом деле парень гниет как джихадист в курдской тюрьме. Ситуация ему не нравилась. Курды всегда, и не без причины, подозревали, что зарубежные союзники предают их, вонзают нож в спину, и в последние годы, когда они держат линию фронта против исламистов почти в одиночку, паранойя только усилилась.

Начальник тюрьмы встал, вышел в соседнюю комнату, оставив после себя запах пота. Вернулся он очень нескоро.

– Сожалею, – сказал он. – Я все обдумал. Нет, не пойдет.

Он снова сел в кресло, подпер голову руками. Здесь «нет» означает не то же самое, что в Европе.

– Позвоните министру здравоохранения в Эрбиль, объясните ситуацию, – сказал Ханс. Отыскал фамилию, протянул телефон начальнику тюрьмы. – Он добрый друг.

Начальник долго, не говоря ни слова, смотрел на дисплей, потом вернул телефон Хансу.

– Позвоните сами.

Ханс позвонил, но попал на автоответчик и тихонько чертыхнулся.

– Невозможно это, – повторил начальник тюрьмы, бросив в чай еще один кусок сахара.

Ханс набрал в грудь воздуха и выложил последний козырь:

– Я приехал в горы Синдjar прошлым летом, сразу после резни и этнической чистки, как один из немногих западных врачей. Не знаю, следили вы за международной прессой или нет, но, если вы сомневаетесь в моей лояльности к тем, кто храбро воюет с джихадистами, я скромно скажу, что сделал для курдского дела больше многих. Дайте мне побыть с заключенным, и еще до вечера у вас в тюрьме станет одной проблемой меньше.

Начальник долго смотрел на него.

– Ладно, мистер Ханс, – наконец сказал он. – Даю вам один час.

* * *

Здание тюрьмы было выстроено из серого бетона, поверху тянулись стрелковые амбразуры и оконца.

После звонка Веры минуло всего несколько дней. Ханс всегда любил ее, близкие узы связали их еще весной 1970 года, когда Ханс учился в гимназии, а Вера работала над книгой, которая привела ее в старую усадьбу Фалков на Фана-фьорде. В свет книга так и не вышла.

Вера звонила за два дня до самоубийства, но задним числом ему казалось, что говорила она сурово и серьезно, как человек, стоящий перед решающим выбором.

Продолжался разговор минут десять, но она сказала, что некоторые вопросы по телефону обсуждать нельзя.

Это было последнее, что он от нее услышал.

Что-то в этой истории не так, а чтобы докопаться до правды, просто необходимо потолковать с Джонни Бергом. Казалось бы, странно, что молодой норвежец, сидящий в тюрьме как иностранец-джихадист, может играть роль в споре о наследстве 95-летней писательницы. Но дело обстояло именно так.

Часовой отпер решетчатые железные ворота и снова запер за ним. Еще двое ворот – и он перед дверью тюрьмы.

Его провели в коридор. Вонь... с каждым шагом все сильнее несло потом, нечистотами и гниющей плотью. В прорези дверей были видны заключенные. Мужчины в оранжевых робах.

Свет проникал внутрь сквозь единственное окно под самым потолком. Все проемы зарешечены. Стены бирюзовые и белые. Камеры переполнены, в воздухе висел запах антисептика и нелеченных инфекций. Лекарств явно не хватало, у многих узников не доставало конечностей; одни еще кое-как ковыляли, другие же не то лежали при смерти, не то притворялись. Как врач Ханс привык ко всему, но, когда тюремщик отпер дверцу, его едва не вырвало.

Камера, куда он вошел, была рассчитана на десяток-другой узников, но людей там теснилось во много раз больше. Тощие старики с птичьей грудью играли в карты с молодыми парнями-инвалидами – кто без руки, кто без ноги, – какой-то юнец жалобно тянул песню вроде как на фламандском, одни кашляли, другие обрабатывали увечья: накладывали турникетные жгуты, заматывали раны грязными бинтами. Человек с повязкой на глазу бродил по камере на костылях. Кое-кто пытался перехватить взгляд Ханса, выкрикивая «сахафи! – журналист!», но многие при виде его медленно проводили пальцем по горлу.

В глубине камеры смрад был гуще всего. Там разило смертью. Вокруг дыры в полу, служившей туалетом, висели полотенца и куртки.

– Вот он, – тюремщик пнул мужчину, сидевшего на полу в позе лотоса. – Аль-Джабаль, встань!

Джонни сидел возле бирюзовой стены – с закрытыми глазами, держа руки ладонями вверх, будто медитировал. На нем была оранжевая роба из тех, в какие ИГ обычно одевало заложников перед казнью. Надо полагать, курды не упускали случая показать ИГ средний палец. Хотя правильное лицо посерело и исхудало, парень был красивый. Или мужчина... Джонни было чуть за тридцать. Нос с легкой горбинкой, крупный рот, острые скулы над густой бородой, блестящие темные волосы до плеч. Джонни открыл глаза. Долго смотрел на Ханса, но прочитав по глазам его душевный настрой оказалось невозможно.

Ханс хорошо помнил их последнюю встречу. В 2006-м, когда Израиль бомбил Ливан, Берг, в ту пору молодой журналист-фрилансер, взял у него интервью. Хорошее интервью, одно из лучших. Ханс тогда не заподозрил, что Берг работал на разведку, но теперь был в этом уверен.

– Я пришел осмотреть тебя, – сказал Ханс. – И спасибо за то интервью.

Джонни долго смотрел ему в глаза, по-прежнему не говоря ни слова. Потом опустил веки и спокойно задыхался через нос.

Курдский солдат настороженно озирался по сторонам, они начали привлекать внимание других узников.

Несмотря на худобу и изможденность, было заметно, что раньше Джонни был прекрасно тренирован. Наискось по груди тремя неровными полосами тянулись шрамы, прямо под лопаткой следы двух пулевых ранений, кожа там потемнела.

Ханс вооружился стетоскопом, измерил пульс в состоянии покоя, сердечный ритм и давление, потом взял кровь из указательного пальца.

– А теперь слушай внимательно, – сказал он, накрыв его руку обеими своими. – В твои годы я соглашался на любые задания за рубежом. Теперь вот старею. Ты когда-нибудь слышал, чтобы человек на смертном одре жалел, что не заработал больше денег или не выполнил на Ближнем Востоке больше разведзаданий?

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Джонни.

– У тебя есть дочь, – ответил Ханс.

Джонни наконец поднял на него глаза.

– Не повторяй мою ошибку, – продолжал Ханс. – На основании медицинских показаний я намерен от имени Норвегии потребовать, чтобы тебя освободили. Думаю, мне удастся, курды будут только рады отделаться от иностранца и бациллоносителя.

– Почему ты мне помогаешь? – после долгого молчания спросил Джонни.

– Клятва Гиппократа...

– Сам знаешь, что это чепуха, – перебил Джонни, покачав головой.

– С тобой обошлись очень несправедливо.

– Верно, но ты здесь не поэтому.

– Джонни, Джонни. Ты не сдаешься. Отлично. Когда вернешься в Норвегию, окажешь мне услугу, – прошептал Ханс. – Здесь мы не будем вдаваться в подробности, но я предлагаю тебе свободу в обмен на услугу.

Узник склонил голову набок, будто размышляя.

Ханс продолжил:

– В Норвегии у тебя по-прежнему есть надежные друзья, эти люди думали, что ты погиб, и потрясены тем, как с тобой обошлись. Двое полицейских доставят тебя под конвоем в Норвегию. Делай, как я скажу, и еще до вечера будешь в европейском воздушном пространстве.

– С какой стати я должен тебе верить? – Джонни смотрел на него ясными зелеными глазами.

– Верить ты мне не можешь, – сказал Ханс. – Но, мне кажется, в нынешней ситуации у тебя нет выбора. Договорились?

Глава 7. Выпьем за маму

Вечером накануне похорон на Обрыве послышались шаги. А немного погодя по толстой деревянной двери резко стукнули подковой-колотушкой, и не успела Саша открыть, как дверь распахнулась и кто-то вошел в темный дом.

Улав был в непромокаемых сапогах до колен, флисовом свитере и защитного цвета брюках с кожаными нашивками на коленях.

Он сделал шаг по скрипучему полу.

– Александра, нашла что-нибудь?

С самого раннего детства посещения бабушкина дома всегда казались Саше приключением. Конечно, объективный мир существовал, даже для Веры, однако этот мир инженеров, физиков и врачей интересовал ее меньше, чем его описания. С начала времен мы, сидя у костра, делились друг с другом рассказами о мире, они-то и сделали нас людьми, несчетные истории, что мало-помалу стали книгами, нашедшими приют на Вериных стеллажах здесь, на Обрыве, и из этого мира вне времени отец сейчас вырвал Сашу.

Она провела тут все последние дни. Утром отправляла детей в школу и договаривалась, что после обеда за ними присмотрит приходящая няня. Правда, сегодня забежала домой еще раз, выбрала одежду для похорон: черные бархатные платица и лаковые туфельки для девочек, темный костюм с подходящим галстуком для Мадса. Он прилетит всего за час-другой до начала и будет рад, что костюм уже наготове. Они оба старались выказывать друг другу небольшие знаки внимания.

Все остальное время она пробыла на Обрыве.

Просматривать каждую книгу большой библиотеки – дело затяжное, а у Веры книг тьма-тьмушая. Все стены на Обрыве сплошь в книгах – на взгляд Саши, не меньше сотни погонных метров. Вдобавок картонные коробки в картофельном погребе и кучи папок переписки с издательством.

Кончики пальцев стерлись, словно от наждачной бумаги, ведь она пролиستала множество книг. Иные с дарственными надписями Вере от более-менее известных коллег-писателей. Бесконечное число романов, трудов по истории, социологии и экономике, попадались и эзотерические работы о мифах и астрологии, а со страниц вставали воспоминания.

– Я нахожу все что угодно, – сказала Саша, – только не завещание.

– Я позвонил судье, – сказал отец, – хотел удостовериться, что мама действительно забрала завещание и что Грече нас не обманывает. Но она вправду его забрала.

– Ты не доверяешь Сири? – спросила Саша.

Отец улыбнулся:

– Доверяю больше, чем многим. Но она ведь не член семьи.

Смеркалось, поверхность фьорда иссиня-черная, как нефть. Вдали, на другом берегу, Саша видела на склоне слабые огоньки, словно отброшенные от уреза воды, а дальше серое вечернее небо.

– Ты огорчена, Александра?

Порой, вот как сейчас, взгляд у отца был ласковый, открытый и вызывал детское ощущение защищенности и уюта, словно ты сидишь у него на коленях.

– Да, пожалуй. – Она отвела глаза.

Саша всегда была любимицей бабушки. В детстве Вера обыкновенно давала ей на карманные расходы десять крон. Сверре довольствовался пятью, а то и вовсе ничего не получал, потому что из всей семьи одна только Саша понимала толк в литературе и устных рассказах. Только она одна обладала чутким, приметливым взглядом и спокойной силой, необходи-

мыми писателю. Саша очень этим гордилась и никогда не понимала, почему бабушка перестала писать.

Как-то раз Вера читала ей вслух. Саше было тогда лет десять-одиннадцать, но этот миг она запомнила навсегда. Читали они греческие мифы, о богине Ириде, вестнице богов, и вдруг бабушка насторожилась. Возле Обрыва послышался какой-то звук. Стал громче. Словно плакал младенец, жалобно, душераздирающе. Бабушка заплакала.

– Почему ты плачешь? – спросила Саша. – Это же всего-навсего кошачья свадьба.

Бабушка посмотрела на нее:

– Для других. Но не для нас с тобой. Для писателя правдив тот образ, какой реальность создает в его голове. Если ты думаешь про кошку, ну что ж, а вот я думаю о младенце, которому плохо. И то, и это может оказаться правдой.

Улав полистал альбом с вырезками из старых газет.

– Мама, конечно же, хранила все рецензии на свои книги, – сказал он не то печально, не то радостно и прочел вслух: – «Безупречный и стилистически уверенный дебют, жутковато-прекрасное произведение нового скальда с наших берегов».

В пятидесятые годы два сборника новелл Веры Линн были благосклонно встречены критикой, но по-настоящему большого внимания не привлекли, успех пришел позднее, когда несколько новелл вошли в школьную программу и стали, так сказать, классикой. В шестидесятые она выпустила целый ряд мрачных триллеров («северонорвежская Дафна Дюморье»), которые хорошо продавались, хотя несколько опередили свое время, а примерно в 1970-м литературная деятельность внезапно оборвалась.

– А собственно говоря, насколько известна была бабушка?

– Меньше, чем заслуживала, как она считала, – буркнул Улав.

– Странно, что она перестала писать, – сказала Саша.

Отец не ответил, отошел в кухонный уголок, где нашел пыльную бутылку акевита²¹, налил две стопочки и сел у торца письменного стола, придвинув одну стопочку дочери.

– Ты знаешь, что этот домик построили немцы, когда реквизировали Редерхёуген?

Пригубив водку, Саша аж вздрогнула.

– После войны Вера решила использовать его для работы, – невозмутимо продолжал отец. – Рубленые углы и бревенчатые стены по фасаду – результат переделки, но со стороны леса по-прежнему можно видеть оригинальные материалы.

Он стал было показывать, но Саша перебила:

– Я почти ничего не знаю о тех временах. Бабушка не рассказывала, да и ты тоже.

Улав отпил глоток водки, печально посмотрел на нее.

– Это причиняло боль.

– Боль? – Она смотрела прямо в изборожденное морщинами лицо отца, где над кустистыми бровями пролегла мудрая складка.

– А как иначе скажешь?

Он беспокойно глянул в окно.

– Вера не была такой матерью, как ты, Саша. Она была отстраненная, вперемежку то холодная, то ласковая. Обычно за мной присматривала гувернантка, мама часто бывала в отъезде. Однажды на всю зиму уехала в Южную Францию. На всю зиму... Ей надо писать, так она говорила. Помню, как я плакал в день ее отъезда. Мне было девять, можешь себе представить, я стоял на перроне Восточного вокзала и плакал.

Саша прямо воочию увидела маленького Улава на длинном перроне, когда поезд медленно отходил от станции. И накрыла его руку своей.

²¹ Акевит (аквавит) – скандинавский крепкий алкогольный напиток.

– По ночам мама кричала, – продолжал он. – Это было задолго до того, как в Редерхёугене навели красоту, в главном доме было тогда пусто и до ужаса холодно, а вдобавок очень гулко, крики эхом разносились по коридорам, достигали моей комнаты. Мама кричала, ни с того ни с сего, каждую ночь сидела на кровати и кричала.

– Ей не помогли?

– Она не хотела помощи, да в ту пору и не знали, что делать, не как сейчас. Однажды, мне было тогда лет двенадцать-тринадцать, я не выдержал. Вышел на балкон в главном доме и накинул петлю на шею. Думал, что освобожусь, если брошусь через перила. Что до смерти всего один шаг. Что смерть черная, черное ничто.

– Ох, папа... – Саша погладила его по плечу.

– Потом стало лучше, всегда становится лучше, Александра. Наутро я проснулся со странным чувством. Конечно, я по-прежнему боялся маминых выходов, всю жизнь боялся. Но был свободен. Что-то во мне уразумело, что свою судьбу мы строим сами.

Саше хотелось спросить о многом, но его слова ошеломили ее.

– Только когда ты подросла, я ощутил тот же страх. Ты была как две капли воды похожа на старые мамины фотографии. Я не хотел, чтобы у тебя была такая же жизнь, как у нее. И ты такой не стала, Александра. В тебе есть то, чем славились мои предки, а может, когда-нибудь прославлюсь и я. Ты, конечно, умная, прозорливая, но одновременно в тебе есть и кое-что много более важное. Характер. Принципы. Лояльность к семье. Спокойствие, когда прижмут. Ты думаешь, прежде чем говорить, и заставляешь людей гадать, что ты имела в виду.

Саша улыбнулась отцу. Да, это чуть ли не патология. В других он видел только отражение себя. Постоянно навязывал другим свои собственные чувства, и, где бы ни находился, атмосфера там была во власти его настроения. Но она все равно любила его, и эта любовь совершенно не сравнима с той, какую она питала к другим. К Мадсу, к брату и сестре. Даже любовь к детям была совсем иная, куда менее сложная.

– Я нашла книгу о том кораблекрушении, – сказала она и взяла со стола «Сборник текстов по поводу гибели „Принцессы Рагнхильд“». – Помимо всего прочего, там есть протоколы опроса свидетелей в Салтенском суде на следующий день после крушения.

– Круто. – Улав полистал книгу, надел очки, висевшие на шее, и прочитал вслух: – «При взрыве нос судна подняло вверх, так что капитан был подброшен в воздух и упал на палубу мостика. Он приземлился на четвереньки, но его снова тряхнуло, и он завалился на левый бок. Капитан предполагает, что судно могло подрваться на mine, но добавляет, что ранее никогда не видел взрывов мин. В прошлую войну видел торпедирования, а этот взрыв был другим. Свое мнение, что взорвалась именно мина, он мотивирует, в частности, глухим звуком...»

– А мы действительно вполне уверены, что это была мина? – спросила Саша.

– Настолько, насколько позволяют исторические факты, – ответил Улав. – Все, кто писал об этом, разделяют данную точку зрения. Смотри, что# говорит под присягой капитан Брекхус. – Он медленно прочитал: «По мнению капитана, все указывает на то, что причина взрыва – подводная мина. По-видимому, катастрофа произошла на минном поле, установленном англичанами 8 апреля 1940 года».

– Подумать только, англичане в ответе за смерть дедушки, – сказала Саша.

Отец кивнул и с нежностью посмотрел на нее.

– В любом случае это не самое главное. Ты представь себе, как мама со мной на руках прыгнула в ледяную воду. Не прыгни она, я бы не сидел здесь нынче вечером. – Он улыбнулся, взгляд опять стал мягким и теплым. – И ты тоже.

Саша давно не ощущала такой близости с отцом, чужая даже его запах.

– При нашей последней встрече я спросила бабушку, может ли она рассказать про то крушение.

Улав вздрогнул, взгляд сделался жестче.

– Мама была писательницей, а не документалисткой.

– Я очень боюсь, не этот ли вопрос заставил ее прыгнуть с обрыва.

– Нет. – Улав, снова полный сочувствия, накрыл ее руку своей. – У убийства мотив простой, ненависть или любовь. Мотив самоубийцы – сама жизнь. А за жизнь мамы ты, Александра, не в ответе.

– Вокруг бабушки столько вопросов, оставшихся без ответа, – сказала Саша. – Где она спрятала завещание, само собой, но и кем она, собственно, была, откуда родом и почему бросила писать.

Лицо отца окаменело.

– Мамина жизнь – это лабиринт. Заплутаешь в нем и никогда больше не выберешься. – Он долго и цепко держал ее взглядом, потом улыбнулся. – Давай выпьем за маму.

Немного погодя Улав встал, отставил стопки на рабочий стол.

– Ты успеваешь дописать свою завтрашнюю речь?

Саша кивнула.

– Думаю, да.

– Скорей бы уж похороны остались позади. Ведь вместе с ними завершится целая глава нашей семейной истории. Сколь ни соблазнительны тайны в жизни Веры и как ни хочется мифоманам извлечь их на поверхность, ты, Александра, должна кое-что мне обещать.

Саша почувствовала, как ее обдало холодом.

– Что именно?

– Что не станешь ворошить камни. Ведь если стронешь с места хоть один, все, что мы здесь построили, может рухнуть.

Глава 8. Боевой крест с двумя мечами

Ссылаясь на безопасность государства, прокуратура ходатайствовала о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании; ходатайство удовлетворили.

Адвокат Ян И. Рана занял место рядом с обвиняемым. Джон Омар Берг, или Джонни Берг, как он представился, находился в стране всего несколько дней, его под конвоем доставили из Курдистана; лицо по-прежнему изможденное, с острыми скулами. Он походил на ящерицу, но на сей раз длинные черные волосы были аккуратно зачесаны назад и падали на вязаную кофту.

Одеть подсудимого в вязаную кофту или, того хлеще, в традиционный норвежский свитер, конечно, довольно-таки карикатурно. Но шаблоны действуют, на то они и шаблоны, подумал Рана.

Судья – стройный флегматичный мужчина в темном костюме – с самоуверенным видом, который адвокат Рана отнес на счет четырнадцати поколений предков, обитавших среди пышных яблоневых садов западного Осло, зачитал требование прокуратуры: четыре недели предварительного заключения с запретом на переписку и посещения, согласно УК ст. 133 о террористических организациях и ст. 136 о поездках с террористическими целями.

– Согласен ли обвиняемый Джон Омар Берг с предварительным заключением или просит освободить его? – с деланным безразличием спросил судья.

– Освободить, – сказал Ян И. Рана.

– Тогда слово имеет представитель полиции. – Судья кашлянул.

Встала блондинка лет под сорок.

– Как нам известно, двенадцатого сентября две тысячи четырнадцатого года Джон Омар Берг прилетел в курдский город Эрбиль. Далее, нам также известно, что в последние годы он выражал все более экстремистские взгляды, как, например, в мейле, датированном двадцать третьим июля того же года. Цитирую: «Мне настолько омерзительна роль Запада на Ближнем Востоке, что впору завербоваться в ДАИШ²². У них хотя бы есть мозги». Конец цитаты. Берг имеет четкую цель: он примкнет к этой террористической организации.

Она сделала паузу. Рана посмотрел на Джонни, тот сидел неподвижно, как восковая фигура. Никогда Рана не видал, чтобы человек перед судом был спокоен, как тибетские монахи, десять лет кряду проводившие в медитации.

– Итак, намерения у Берга террористические, – продолжила дама из полиции. – В тот день он пересекает линию фронта у североиракского населенного пункта Тель-Скуф, чтобы встретиться с единомышленниками-норвежцами, проживающими в поселке, подконтрольном Исламскому государству, в том числе с находящимся в розыске джихадистом и иностранным добровольцем Абу Феллахом. Что происходит во время встречи Джона Берга с Феллахом, никому неизвестно. Но через иностранную разведку мы знаем, что на следующее утро Берг был арестован курдами из Пешмерга²³. – Она обратилась к судье: – В данном случае прокуратура настаивает на предварительном заключении по причине серьезности обвинения. Но не менее важны личность Джона Омара Берга и его прошлое.

Судья, похоже, заскучал от бездарной речи представительницы полиции. Она совершенно под стать здешней минималистской мебелировке, подумал Рана.

²² ДАИШ – аббревиатура арабского названия «Исламское государство Ирака и Леванта», т. е. то же, что и ИГИЛ (деятельность этой признанной террористической организации в РФ запрещена); для самих террористов звучит оскорбительно, так как всего одной буквой отличается от арабского «даис» (раздавливающий, попирающий).

²³ Пешмерга# – курдские военизированные формирования в Курдистане.

– Берг, – продолжала она, – профессиональный «морской охотник», много лет работал в вооруженных силах, имел высшую форму допуска к секретным материалам. Когда решение примкнуть к террористической организации принимает человек с таким опытом, это значительно усугубляет тяжесть обвинения по статье о добровольном участии в военном конфликте за рубежом. Он обладает террористическим потенциалом. Поэтому есть все причины держать его под арестом: от других европейских стран нам известно, что многие узники, освобожденные из той тюрьмы, где сидел Берг, находятся под следствием по подозрению в планировании терактов. Далее, по мнению прокуратуры, в данном случае существует конкретный и прямой риск уничтожения доказательств. К тому же его освобождение может быть воспринято обществом как оскорбление чувства справедливости.

На этом она закончила свое выступление, закрыла папку с документами и села на место, скромно сложив руки на коленях.

Ян И. Рана поправил галстук, одернул темный пиджак.

Изначально его звали Мухаммед Икбаль Рана, только вот, к его досаде, это имя легко сокращалось до Му-И-Рана, на слух не отличимое от названия области Му-и-Рана. В детстве это здорово его доставало, плюс Му-И-Рана быстро смекнул, что, если он намерен чего-то добиться в жизни, надо завязывать с обчисткой чуваков на задворках Тосена²⁴, лучше косить под норвежца. Мухаммедов в городе пруд пруди. Ему необходимо норвежское имя. Например, Турмуд. Или Бьёрн. Нет, не то. Для него не подходит.

В конце концов он обнаружил очень простой факт: самое обычное имя в Норвегии – Ян. А вдобавок это персидское слово, означающее «душа».

Отличное имя. То, что надо.

Ян И. Рана стал книжным червем. На юридическом держался особняком. Честолюбивые пакистанцы, мало-помалу наводнившие факультет, относились к нему с подозрением. А для сокурсников из роскошных вилл с яблочным садом он был обыкновенным иностранцем, мигрантом, сиволапым, деревенщиной. Куда ему до них! Буль, Станг, Смит, Люткен, Стоуд Плату, Колетт, Фалсен... Их родословные восходили к знати, к депутатам первого национального собрания, к председателям верховного суда, а его – к индийским раджпутам²⁵, да-да, к военной касте, но никто из норвежцев об этом и понятия не имел.

Тогда Ян И. Рана принялся культивировать имидж исконно норвежского работяги. В пивном погребеке он хвастался перед девчонками с юридического, что ведет происхождение от строителей Бергенской железной дороги. Что Рана – обычная фамилия среди шведов и лесных финнов. Довольно скоро его догадки подтвердились: большинство сокурсников оказались ленивы и невежественны. Им что угодно можно впарить, лишь бы история была подробная и интересная.

Постепенно он понял, что на самом деле происхождение сулит ему выгоду. Другам детства постоянно требовались защитники-адвокаты, вдобавок подрастали новые поколения. Халифат стал для адвокатов золотой жилой, впору слать халифу открыточку от фирмы на Рождество. Они процветали за счет его больших идей. Потому-то Рана и бросил все дела, когда знаменитый доктор Ханс Фалк позвонил в адвокатскую фирму «Рана & Анденес» и попросил Яна И. Рана взять на себя защиту норвежца, которого «безосновательно подозревают» в том, что он был иностранным добровольцем.

Yeah, right, подумал тогда Рана.

В большинстве случаев с иностранными наемниками достаточно было повторить старую басню, что они, мол, отправились помогать женщинам и детям, и надеяться, что у прокуратуры не слишком много доказательств обратного. Однако в этом Джон Омар Берг не был заинтере-

²⁴ Окраинный район Осло.

²⁵ Раджпуты – этнословная группа в составе варны кшатриев в Пакистане и Северной Индии.

сован. Он дал Ране записку с инициалами «Х.К.» и номером телефона. Владелец инициалов снабдил Рану столь ценной информацией, что сейчас он с нетерпением ждал, когда получит слово.

– По нескольким пунктам, – начал он, – я соглашусь с представительницей полиции: Джон О. Берг профессиональный «морской охотник», прошел в армии самую суровую военную подготовку. – Рана избегал называть второе, иностранное имя Джонни. – Совершенно верно, несколько лет он служил в вооруженных силах и перешел через линию фронта в Исламское государство. Да, он писал мейлы, которые, пожалуй, можно истолковать как поддержку террористического ИГ, да, он сидел в тюрьме, связанной с террористическими планами. Но ведь тогда дело очевидно? Джона О. Берга необходимо заключить под стражу?

Рана посмотрел на представительницу полиции, потом на судью. Последовавшая затем риторическая пауза так затянулась, что не могла не возбудить интерес прокурора и судьи.

– В истории, изложенной представительницей полиции, есть только одна загвоздка, – наконец продолжил адвокат. – Чем Берг занимался в те годы, когда служил в вооруженных силах? Он работал на разведку.

Некоторое время он рассуждал о подвигах Берга в 2006–2010 годах, когда тот работал в Афганистане.

– Подвергая себя огромному риску, он разоблачает агентурную сеть, целью которой было изготовление бомб, предназначенных убивать норвежских солдат. Берг превосходный солдат. Выдающийся. Получает награды за отвагу, Боевой крест с одним мечом, затем с двумя мечами. – Рана посмотрел на судью и прокурора и повторил: – С двумя мечами.

Эта нарочитая пауза тоже длилась долго.

– Только у Гуннара Сёнстебю²⁶, прославленного героя Сопrotивления, мечей было больше. Берг спасает жизни норвежцев, защищает наши интересы. Задания становятся все серьезнее. Его информаторами становятся афганские министры, перебежчики из Иранской революционной гвардии и русские политики. В Ливии он, как говорят в армии, «корректирует огонь», то есть, находясь на вражеской территории, сообщает координаты для бомбовых ударов авиации, для норвежских и зарубежных летчиков.

Рана опять сделал паузу.

– И конечно же... мало-помалу он начинает терзаться нравственно, ведь эта его работа стоила стольких гражданских жизней. Что тогда делает Джон О. Берг? Становится перебежчиком? Нет, он честно докладывает начальству о своих нравственных муках. Действует по инстанции, как говорят в армии. Берг лоялен, но он не послушный инструмент. Несколько лет Берг молчит. Становится отцом. После всех пережитых испытаний он совершенно измучен. Тестирование, проведенное под руководством главного врача вооруженных сил, выявляет симптомы поздних повреждений. Вот какую цену Берг заплатил за то, что защищал Норвегию. И что же происходит?

Рана вздернул подбородок. Он добрался до решающего момента защитительной речи.

– Да, так что же происходит? Джон О. Берг садится в самолет и, как нам сообщила представительница полиции, летит в курдский город Эрбиль. Однако она не упомянула кое о чем существенном, а именно о мотивах, по каким Берг туда отправился. Она нашла мейл, содержащий брошенное вскользь замечание. Я неоднократно защищал иностранных наемников и знаю, что обычно в таких случаях обвинение располагает обширной доказательной базой касательно интереса обвиняемого к радикалам и радикальным публикациям в Интернете, его контактов с ведущими исламистами в стране и за рубежом, об изучении им логистических вопросов, связанных с выездом и пребыванием. А в случае Джона О. Берга? Ничего. Ничего.

²⁶ Сёнстебю Гуннар (1918–2012) – участник норвежского Сопrotивления в годы Второй мировой войны; награжден Боевым крестом с тремя мечами.

К своей радости, Рана заметил, что судья чуть подался на стуле вперед, будто внимательно прислушивался.

– Будь я прокурором и имей столь слабую доказательную базу, я бы, наверно, сказал, что как раз это и доказывает хитрость и профессионализм «джихадиста» Берга. Может быть, он совершил то, что не удавалось ни одному известному наемнику из западных стран, и ухитрился до поездки не попасть на радары ни одной из специальных служб. Что ж, в таком случае – при всей его малой вероятности – Джона О. Берга все равно нельзя брать под стражу. Нет попросту никаких, абсолютно никаких доказательств, говорящих о его намерении примкнуть к террористической организации. Мы, конечно, можем сказать, что решение въехать в страну, не рекомендуемую МИДом, наивно, хотя Берг ранее занимался журналистикой и мог быть там как репортер. Мы не знаем, в том-то и дело. В заключение хочу напомнить, ваша честь, что требования к обоснованиям содержания под стражей однозначно гласят: вероятность того, что обвиняемый совершил инкриминируемые ему деяния, должна превышать вероятность противоположного. Ничто из изложенного обвинением об этом не свидетельствует. Посему позвольте мне несколько прояснить ситуацию и намекнуть, чем фактически занимался Берг.

Представительница полиции подняла голову.

– Берг работал на разведку, – с нажимом повторил Рана.

Она недоверчиво воззрилась на него.

– Берг – *deniable*²⁷. Что это значит? Обычно шпионаж между государствами регулируется Венской конвенцией. В кратких словах эта конвенция гласит: если мы обнаруживаем, что чужая держава использует дипломатов для шпионажа за нами, мы этих дипломатов не караем. Мы просто их высылаем. Но на тех, кто работает *deniable*, эта роскошь не распространяется.

Рана сделал небольшую паузу.

– Яхья Аль-Джабаль – псевдоним Берга времен службы. Берг пересекает линию фронта и оказывается на территории, подконтрольной ИГ, разумеется, не затем, чтобы примкнуть к какой-либо террористической группировке. Наоборот: Джон О. Берг поступает так умышленно, чтобы делать то, что он столь блестяще делал много лет и что принесло ему столько наград за отвагу. А именно – защищать Норвегию, обеспечивать таким, как мы, законопослушным налогоплательщикам, спокойную жизнь.

О, какое наслаждение, когда слова и фразы обретают четкую форму и наносят нокаутирующий удар.

– И вот еще что: будь я на месте стороны обвинения, я бы не допустил копанья в грязном белье, которое может привести к огласке роли Берга как оперативного исполнителя.

– Вы закончили? – хрипло спросил судья.

– И последнее, – сказал Рана. – Джон О. Берг не только свободен от обвинений. Он – герой. Норвежский герой. Работая для Норвегии, он угодил в одно из самых страшных мест на свете, в тюрьму для террористов, военных преступников и джихадистов на территории Сирии, а официальная Норвегия даже пальцем не пошевелила. И, ваша честь, вот это и есть самое настоящее преступление.

Представительница полиции попросила слова для замечания:

– Что до Боевого креста с мечами, то не достойный его может быть лишен награды. Мы обратились в Государственный совет с запросом о лишении Берга Боевого креста, но такое решение может быть принято Госсоветом только на заседании с участием короля.

Впервые за все время заседания Рана заметил, что Джонни шевельнулся. При упоминании Боевого креста и короля он вздрогнул, губы побелели. Казалось, он хотел что-то выкрикнуть, но осекся.

²⁷ Непризнаваемый (англ.).

– Теперь у вас все? – спросил судья, зевнул, глянув на часы и почесав затылок, и вышел из зала.

Рана бросил взгляд на Джонни Берга, тот опять сидел неподвижно, сложив руки на коленях и глядя в одну точку.

Дальше все прошло быстро. Судья вернулся, зачитал решение. Главный пункт звучал так:

– Суд считает, что главный пункт обвинения – статья сто тридцать третья о связи с террористическими организациями и статья сто тридцать шестая о поездке с террористическими целями – места не имеет. Берг освобожден.

Заскрипели стулья, присутствующие встали.

Рана повернулся к Джонни Бергу и подмигнул.

– Столик в «Театральном кафе» заказан, шампанское ждет на льду. Пошли?

Глава 9. Теплые руки врача

В одиночестве, руки в карманы, Улав шел по лужайке. Похороны напомнили ему, что он тоже не вечен. Число похорон и извещений о смерти в его жизни росло постоянно, как количество дорожных указателей по мере приближения к городу. И ведь никуда не денешься: жизнь подобна миграции леммингов, и до обрыва уже рукой подать. Смерть взбудоражила силы, которые Улав более не контролировал.

К счастью, официальная часть траурной церемонии уже позади. Самые неловкие фрагменты из надгробной речи пасторши вовремя изъяли. Мини-автобусы с наиболее немощными гостями подъехали прямо к входу. На балконе приглашенный струнный квартет и всемирно известный оперный певец исполнили «Аве Мария» Шуберта.

Неофициальным письмом Улав пригласил на похороны и короля, с которым его связывала давняя дружба. Раньше монарх иной раз заезжал в Редерхёуген и, пока охрана ждала в автомобиле, угощался рыбными фрикадельками и смотрел по телевизору «Ежедневное обозрение». Это весьма статусно – водить знакомство с королем, тем более что король, по всей видимости, получал редкое удовольствие, потому как мог положить ноги на стол, выпить пива и выкурить сигарету не на публике. На сей раз он на приглашение не ответил.

Что ж, пришло время поговорить с Хансом. Звуки струнного квартета, размещенного теперь на самом верху, смешивались в зале с негромким гулом голосов и звяканьем серебряных ложек о сервизный фарфор. Хотя за свою жизнь Улаву пришлось пожать куда больше рук, чем доводится среднему человеку, многолюдные сборища он терпеть не мог.

Медленно шагая по комнатам, соседствующим с просторным залом для приемов, он любезно кивал во все стороны. Сколько здесь людей, которых он много лет не видел, целая галерея лиц из жизни матери и его собственной, в большинстве изборожденных морщинами и изъеденных временем.

Почему все эти люди здесь, что им нужно? Дети обычно упрекали его в циничном взгляде на человеческую природу, но Улав-то знал лучше. Собственно говоря, он был реалистом, и только.

Он поздоровался с Юханом Григом, давним Вериным издателем и членом правления САГА, бледным, измученным, что неудивительно: ему же диагностировали недостаточность надпочечников. Когда-то Юхан был другом и собутыльником, но ведь все дружбы со временем становятся лишь блеклой тенью того, чем были когда-то, разве не так?

Неподалеку сидели за столиком старые политики. Улав всю жизнь был социал-демократом. Нет, он не симпатизировал Рабочей партии в целом. Мечты о золотом времени и поворот к гимназической сентиментальщине не вызывали у него уважения. Но тем важнее бывали встречи с кем-нибудь из по-настоящему ответственных взрослых в доме на площади Янгсторг²⁸. А какие еще у него были возможности? И были ли, собственно говоря? Правые? Ну уж нет, хозяев вилл и злобных мелкотравчатых коммерсантов он презирал, пожалуй, почти так же, как мелкие партии, принимать их всерьез никак нельзя.

Но где Ханс? Улав прошел по залу дальше, мимо эркера и музыкального салона, и вдруг сбоку послышался женский голос с северонорвежским выговором:

– Фалк. Не могу не сказать, что я восхищаюсь вами.

Комплимент незамедлительно поднял ему настроение. Он повернулся и шагнул навстречу говорившей.

– Приятно слышать, тем более в такой день, как этот.

²⁸ Штаб-квартира Рабочей партии располагается на площади Янгсторг в Осло.

Перед ним стояла элегантная женщина лет семидесяти – короткая стрижка, ожерелье поверх черной водолазки, на лице выражение скорби.

– Соболезную, Улав Фалк, глубоко соболезную, и вы, конечно, сделали очень много...

Он изумленно возрился на нее.

– ...но, чтобы не усугублять возникшую неловкость, скажу прямо: мои слова относились к Хансу Фалку.

Только теперь Улав заметил Ханса, который стоял за колонной, в нескольких метрах от них. Пружинистым шагом тот подошел к женщине, чуткими руками мягко взял за плечи, наклонился поближе, глядя на нее таким целительским взглядом. Видимо, личных границ для него не существовало.

– Большое спасибо за добрые слова. Я слышал лофотенский диалект?

– Точнее, москенесский. – Она зарделась.

– Люблю северян! – воскликнул Ханс и развел руками, народ аж попятился. – В своих разъездах я часто думал о том, как сильно радушие и житейская мудрость Северной Норвегии напоминают Ближний Восток. Вы, слава богу, не чета южанам.

– Я знаю, что когда-то, еще интерном, вы работали во Флакстаде. Мой отец тоже был врачом и знал Веру Линн.

– Мы говорим о самом докторе Шульце?

Улав забеспокоился, как всегда, когда окружающие оказывались более осведомленными, чем он. Доктор Шульц, мама порой говорила о нем, до того как начались сложности.

– Это мой отец.

– Мир его праху, – сказал Ханс. – Легендарный врач, радикал, гуманист, посвятивший свою жизнь улучшению жизни простых людей еще до создания государства всеобщего благоденствия и благосостояния. В семидесятые годы доктор Шульц был образцом для меня и для всех радикальных врачей, увлеченных решением социальных проблем.

Женщина явно расчувствовалась, тогда как Улав пытался скрыть недовольство. Все чаще его спрашивали, в родстве ли он с Хансом Фалком. А ведь в свое время все обстояло ровно наоборот. Ханс вечно паясничал, сын судовладельца, он объявил себя пролетарием, ходил в шмотках работяги и кадрил женщин. Паяцем он, по мнению Улава, оставался по сей день, однако в последние годы стал чем-то вроде народного героя, поскольку работал врачом в горячих точках планеты. Ханс первым из западноевропейцев поведал миру о злодеяниях ИГ в горах Синджара. Он эмоционально рассказывал, что резня ужасно его потрясла, но Улав не сомневался, что в первую очередь Ханс наслаждался всеобщим вниманием.

Улав любил подчеркнуть, что эмпатия Ханса Фалка к несчастным всего мира обратно пропорциональна его вниманию к родным и близким разных поколений, разбросанным по всей стране.

– Знаете, – продолжала женщина, по-прежнему повернувшись к Хансу, – вы правильно поступили, когда отказались от ордена Святого Улава.

– Само собой, мы, социалисты, по традиции отказываемся от буржуазных орденов. Отличный принцип.

Ханс отказался от ордена Святого Улава?

Сам Улав досадовал, что медалью «За гражданскую доблесть» – наградой действительно высокого ранга – больше не награждают.

– Нельзя выпендриться сильнее, чем отказаться от Святого Улава, – отпарировал Улав, но его реплика осталась без ответа. – Зато ты ведь принял почетное курдское гражданство?

– И ливанский орден Кедр. – Ханс подмигнул женщине.

Она что-то шепнула ему на ухо, вежливо кивнула Улаву и исчезла.

– Мои сыновья не смогли сегодня приехать, но все шлют свои соболезнования, – сказал Ханс, когда они остались одни.

– Можно тебя на два слова. – Улав прошел с Хансом в ведущий на кухню коридор, где стояли французские сетчатые шкафы с японским фарфором.

Если он до сих пор имел известное превосходство над Хансом, то причиной тому являлась как раз имущественная ситуация. Что ж, Ханс, конечно, пользовался успехом у дам (пусть даже с годами его романы набирали мелодраматизма, поскольку он старел) и обладал определенным гуманитарным капиталом, однако его ветвь семьи обнищала. Решением суда по имущественному разделу его отец, Пер Фалк, в свое время потерял все, но в рамках Веринной доли Улав получил в том числе и роскошную старую фамильную усадьбу на Хорднесе и сдал ее бергенцам в аренду за гроши, ниже рыночной стоимости, а вдобавок предоставил им место в правлении фонда и символический пай в акциях группы САГА. Ведь лучше держать их подле себя. Понятно, это довершило унижение, а со временем Хансу пришлось кормить на проценты от САГА столько ртов, что прок, по сути, был невелик.

– Надо поговорить о наследстве, – сказал Улав.

– Совершенно с тобой согласен.

Улав прислонился к стене, пристально посмотрел на родственника:

– Я-то думал, вы, коммунисты, вообще против института наследования, как такового.

– Чего ты хочешь, Улав? – спросил Ханс.

– Вероятно, ты в курсе, что завещания после смерти матери не найдено, – сказал Улав. – Нам известно, что она забрала его у судьи в тот день, когда покончила с собой. А поскольку у ее вещей здесь, в Редерхёугене, мы ничего не нашли, все указывает на то, что она его уничтожила. Так что, вероятно, по закону о наследовании имущество отойдет ближайшему живому наследнику.

– Не знаю, много ли ты контактировал в последние годы со своей матерью, – сказал Ханс. – Но если бы ты с ней разговаривал, то знал бы, что у нас с Верой были близкие отношения, которые начались еще в семидесятом, когда она всю зиму работала в Бергене над своей книгой.

– А если бы ты знал ее по-настоящему, то понимал бы, что ее собственные похороны не место для подобных инсинуаций, – отозвался Улав.

– Твоя мать всегда отдавала предпочтение правде. Именно это я ценил в ней больше всего. Вообще-то она недавно, за два дня до смерти, звонила мне и сказала, что хочет поговорить со мной наедине, как раз о наследстве. – Кривая усмешка появилась на загорелом морщинистом лице Ханса. – Конечно, Вера могла передумать и забраковать завещание. Однако возможен и другой вариант: именно вы здесь, в Редерхёугене, имели веские причины желать, чтобы ее последняя воля никогда не вышла на свет. И избавились от документа, который, весьма вероятно, приведет к тому, что вы лишитесь имущества и вам придется делиться ценностями с другими.

Сквозь приоткрытые двери комнат Улав слышал гул голосов. Ханс подошел вплотную к нему, накрыл его руки своими. Ладони у него и впрямь были теплые, как говорил народ.

Ханс повернулся и пошел прочь. Улав заметил, что он исчез в толпе легким шагом. А сам он чувствовал себя просто стариком.

Глава 10. Кто мы?

Кто мы? – начала Саша.

Она обвела взглядом общество, собравшееся на поминках, сначала тех, что сидели за накрытыми круглыми столами в каминной, затем всех, кто разместился на диванах в эркере с видом на фьорд.

– Кто мы? – повторила она. – Кто мы как отдельные люди и как народ? Я много размышляла об этом после смерти бабушки. Ведь вопрос экзистенциальный и лежит в основе всех остальных. Кто была Вера?

Нетерпеливые ускользающие взгляды слушателей тотчас замерли, как она и рассчитывала. Саша посмотрела на отца. Он мог начать именно так. Она вполне сознательно выбрала такое начало, ведь произносить речи ее научил отец. Он и Вера.

– Слово Норвегия происходит от *norvegr*, что означает «путь на север». Такой вот путь на север проходит морем вдоль нашего протяженного побережья. Кто мы? Закаленный народ из краев, где природа скудна, где наши предки жили тем, что могло им дать побережье. Сотнями лет странствующие торговцы и капитаны ектов²⁹ вели товарообмен на этом северном пути. Бабушкин путь из бедности, в какой она выросла, к привилегиям семьи, частью которой она стала, это рассказ о Норвегии минувших веков. И северный фарватер играет в рассказе о Вере решающую роль. По нему она в юности отправилась на юг.

Саша сделала новую паузу.

– Кто была Вера? Бабушка нечасто говорила о себе, люди ее поколения вообще предпочитали об этом молчать. Не раз, когда я сидела и размышляла над этой поминальной речью, я думала: что же я не расспросила бабушку о ее родных местах? Не расспросила как следует об отце, русском поморе, которого она никогда не видела, о матери, которая в одиночку растила ее на Лофотенах в двадцатые-тридцатые годы. Но, наверно, так происходит со всеми нами. Идем по жизни как сомнамбулы и слишком поздно понимаем, что# потеряли.

Она отпила глоток вина.

– Поэтому можно счесть несколько парадоксальным, что такой далекий от публичности человек, как Вера, писал прекрасные рассказы, получившие хвалебные отзывы критики; по словам рецензента Эйстейна Роттема, они стоят «на перекрестке местного норвежского натурализма, ненорвежского декаданса и вечной, непреходящей мифологии». Но, по-моему, дело обстоит совсем наоборот. В детстве литература стала для нее бегством от реальности и оставалась таковой до самой ее смерти. На ковре-самолете литературы она была свободна, могла улететь куда угодно.

Все молча кивали, и Саша поняла, что пришло время направить речь в другое русло.

– Во всяком случае, мне так кажется. Вера Линн начала свою жизнь в скудости рыбацкого поселка, а закончила здесь, в Редерхёугене. Она уцелела в трагическом кораблекрушении, в котором погиб ее муж, – прыгнула в море с младенцем на руках. Вероятно, эта трагедия сформировала всю остальную ее жизнь, да и нашу, последующую. Если бы она не прыгнула в воду с младенцем Улавом – моим отцом – и если бы ее не спасли, ничего бы дальше не было. Я очень благодарна тебе, дорогая бабушка, с этого я начала и этим заканчиваю. Покойся с миром.

Публика невольно зааплодировала. Саша почувствовала, что щеки ее чуть вспыхнули, и крепко сжала бокал, словно без него не удержала бы равновесие. Подошел Улав, обнял ее.

– Ты даже не догадываешься, как высоко я ставлю твои слова, дорогая Александра, – шепнул он.

²⁹ Ект – старинное одномачтовое судно; в основном использовалось для перевозок между Северной Норвегией и Бергенем.

Она поблагодарила и высвободилась. Чувствовала себя вконец опустошенной, будто была актрисой в отцовском спектакле. Ужасно хотелось курить. Накинув пальто, она пошла прочь сквозь толпу людей, которые хлопали ее по плечу и делали комплименты.

– Саша? – окликнул чей-то голос, как раз когда она подошла к двустворчатой двери на террасу.

Она обернулась и тотчас схватила давнюю бабушкину редакторшу за тонкие запястья, украшенные браслетами цвета слоновой кости.

– Рут, как я рада.

Рут Мендельсон, элегантная пенсионерка с пышными серебряными волосами и внимательными, умными глазами под разлетом бровей.

– Красивая речь, но ты сама-то веришь в эти слова?

– Ты о чем? – спросила Саша, открыла дверь в зимний сад и прямо на пороге закурила сигарету.

– Вера всегда так много о тебе говорила, – сказала Рут. – Говорила, что ты единственная в семье понимаешь, чем она занята и что ею движет. Тоже тайком куришь, может, и меня угостишь?

Саша протянула ей пачку, поднесла огонь.

– Зачем бы мне лгать?

Слегка ссутулясь, Рут прошла к бюсту Большого Тура и остановилась возле цепи, окружающей замерзшую клумбу с розами.

– Затем, что правда слишком тягостна, – сказала она. – Разве не потому люди ее не рассказывают?

– Что ты имеешь в виду? – настороженно спросила Саша.

– Много времени минуло с тех пор, как я была на Обрыве, – сказала Рут. – Может, ходим туда?

Саше показалось, что Мендельсон хочет о чем-то ей рассказать; они зашагали по дорожке, ведущей вокруг главного дома, потом к развороту, а оттуда в лесок и к Обрыву. Через несколько минут обе стояли на краю. Рут тревожно смотрела на камни и мелководье внизу. Ветер, холодный бриз, задувал здесь намного ошутимее.

– Ты знаешь, что среди уцелевших в Холокосте число самоубийств было ниже, чем среди населения в целом? – сказала Рут. – А вот среди литераторов – тех, что писали о Холокосте, – наоборот. Жан Амери, Тадеуш Боровский, Пауль Целан, Ежи Косиньский, Йозеф Вульф и Примо Леви. Все они пережили Холокост, и все покончили с собой, зачастую десятки лет спустя. Почему?

Сквозь тонкую одежду Саша почувствовала резкий порыв холодного ветра.

– Либо потому, что писатели по натуре более уязвимы, либо потому, что писать – значит вновь переживать боль, – сказала она.

Рут кивнула:

– Верно. Миф о Вере таков, как ты и пересказала. Фантазерка и мечтательница. Безумная артистическая душа, которую сгубили проблемы с психикой и творческий тупик.

– Я вообще-то ничего такого в виду не имела, – сказала Саша.

– Пока я работала с Верой, она все время говорила, что хочет написать что-то другое, не детективы и не мрачные новеллы. Исторический документ о кораблекрушении и о том, что происходило в войну. Тебе знакомо название «Морское кладбище»?

Внезапно у Саши возникло ощущение, что вот это ей бы следовало знать. К счастью, в сумерках не видно было, что она покраснела. В этих двух словах сквозило что-то заманчивое и одновременно мрачное. Море и суша, море и смерть.

– Хочешь зайти в Обрыв?

Рут кивнула, и Саша провела ее в холодный темный дом. Мебель проступала силуэтами, раньше она бы испугалась, а сейчас просто повернула старомодный выключатель.

– В конце шестидесят девятого время наконец пришло, – продолжала Рут. – Всю зиму семидесятого Вера сидела в старом фалковском доме в Бергене и писала.

– Ты хочешь сказать, что бабушка работала над книгой, над своей последней книгой, так и не изданной, в доме у бергенцев? – запротестовала Саша. – Не может быть, бергенцы ненавидели бабушку, и вполне естественно, ведь она разрушила брак, в котором они родились.

– Что ж, я бывала в Хорднесе, вроде бы так называется то место? Она хотела написать оду культуре побережья, откуда была родом, где время отмеряют по расписанию «хуртигрутен». Но это лишь кулисы: Вера хотела вдобавок по-другому рассказать о войне. Сломать привычные представления о друзьях и врагах, о вине и позоре. В ту пору герои войны еще были живы, Саша.

Ощущение, что ей втирали очки, обернулось ступором, охватившим все ее существо. Неведение еще хуже, чем то, что могла скрывать ложь.

– Никто в семье эту рукопись не читал, – тихо сказала Саша.

– Я тоже не читала, – сказала Рут.

Саша неодобрительно посмотрела на нее:

– То есть?

– Полицейская служба безопасности конфисковала рукопись прежде, чем я ее прочитала.

– Что? – невольно вырвалось у Саши, она была в шоке, даже возразить не могла. – Это же полная нелепость! Норвегия не сталинский Советский Союз. Мы не такие.

– Ты очень точно риторически сформулировала в своей речи: кто мы?

Рут произнесла эти слова тихим голосом, зорко и вдумчиво глядя на Сашу.

– Но что в рукописи заставило спецслужбы ее конфисковать?

– Не знаю, Саша, правда не знаю. Но полиции было невдомек, что существовал второй экземпляр рукописи, который нам удалось тайком вынести из издательства в старом издании «Графа Монте-Кристо» и передать Вере вот здесь, на Обрыве. Она хранила его у судьи, как гарантию, пока не ушла во тьму.

Хранила у судьи... В ту же секунду Саша поняла, о чем говорила старая редакторша.

– Бабушка побывала у судьи в тот день, когда покончила с собой, – в замешательстве сказала она. – Мы думали, она забрала завещание. А на самом деле она забрала свою рукопись, «Морское кладбище».

Редакторша кивнула.

– Завещание – это свидетельство, так часто говорила бабушка. Каждое завещание – роман, каждый роман – завещание. Может быть, «Морское кладбище» и есть настоящее Верино завещание?... Книга стоит вот здесь. – Саша быстро подошла к одному из стеллажей. – Я имею в виду «Графа Монте-Кристо».

Книга стояла на нижней полке, возле вольтеровского кресла, в котором всегда сидела бабушка. Саша взвесила на ладони объемистый том, ошупала шершавый переплет, открыла.

– Он самый, – сказала Рут, глянув ей через плечо.

Саша осмотрела книгу, поворачивая так и этак, но безуспешно.

– Надо смотреть в переплете. – Рут осторожно сделала надрез по краю форзаца, открыв узкий карман.

Саша извлекла несколько пронумерованных страниц, прочитала верхнюю строчку: «Дорогая Сашенька». Посмотрела на Рут.

– Я хочу прочитать это в одиночестве, ты ведь понимаешь?

– Слишком мало, это не сама рукопись, – сказала Рут. – Больше похоже на письмо.

– Но почему Вера спрятала письмо ко мне в книге, а не положила его на письменный стол?

Впервые за весь вечер Рут Мендельсон осторожно улыбнулась.

– Твоя бабушка писала детективы. Хотя, если подумать, ответ, пожалуй, вполне очевиден.

В ту пору, а возможно, и до нынешних дней Веру больше всего мучило ощущение, что семья ей не доверяет. Ты бы не нашла это письмо, если бы я не рассказала тебе историю о конфискации.

– Пожалуй. – Саше хотелось только одного: пойти домой и спокойно прочитать письмо.

– История есть власть, и вы тут, в Редерхёугене, прекрасно это знаете. Контролируешь историю – контролируешь власть. Кое-кто достаточно долго диктовал официальную историю. Может быть, пора дать слово самой Вере?

Саша смотрела в окно, на горизонт. Далеко в море виднелся фонарь моторной лодки.

– Прочти Верино письмо, – тихо сказала Рут. – И расскажи ее историю. Она будет тобой гордиться.

– Не знаю, – сказала Саша, думая о словах отца. Что иные камни трогать нельзя. Что все построенное может рухнуть.

Внезапно голос Рут зазвучал властно. Она словно продолжила Сашин внутренний монолог:

– Я прожила долгую жизнь, Саша Фалк. Мир не рухнет оттого, что ты восстановишь справедливость, расскажешь о бабушке правду, которую столько лет скрывали.

* * *

Джонни Берг отметил выход на свободу прогулкой через центр, до длинного пирса возле набережной Акер-Брюгге.

Ханс Фалк, как и сказал, ждал его на белом катере у дальнего конца пирса. Он был в белой рубашке с галстуком под коротким, до колен, темным шерстяным пальто, слишком уж нарядный, не вполне к месту, все равно что парень в скользких выходных ботинках на улице в новогодний вечер. Джонни шагнул на борт покачивающейся лодки, пожал Хансу руку.

– Заседание суда прошло как по нотам, насколько я понимаю?

Джонни кивнул:

– К счастью, прессы не было.

Он не видел Ханса с того дня в тюрьме. Хотя полевая медицинская форма шла врачу больше, чем темный костюм, энергия была та же.

– Хорошо дома, а?

– Всегда хуже, чем мечталось.

– Верно, это не редкость, – согласился Ханс. – То, чего больше всего боишься, никогда не бывает настолько скверно, как думалось, а чего больше всего хотелось – настолько хорошо, как ты надеялся. Такова жизнь. Замечательно, что мы встретились. Я прямо с похорон в Редерхёугене, попросил тамошнего смотрителя спустить мне катер на воду. Прокатимся?

Джонни стал рядом с Хансом Фалком. Врач провел катер между шхер, вывел во фьорд и свернул влево, оставив по правую руку замок Оскарсхолл и музей «Фрама», силуэтами проступавшие в сумерках.

Немного погодя он сбросил скорость.

– Видишь вон там? – показал Ханс.

Серые скалы, словно естественные крепостные укрепления, стеной тянулись на несколько сотен метров вдоль кромки воды, сверху они поросли хвойным лесом.

– Это Редерхёуген.

– Я знаю, – ответил Джонни. Кое-где в окнах он заметил свет. Над вершинами деревьев поднималась высокая крепостная башня с вымпелом наверху. На воде было промозгло и мрачно.

– Построил его мой прадед, – продолжал Ханс. – Сперва он хотел построить усадьбу в Бергене, да такую, что даст фору Кристиану Микельсену с его Гамлехёугеном, ведь он любил посоперничать и был патриотом Бергена, но, не найдя подходящего участка, купил вот этот, вдобавок к недвижимости в Фане. Редерхёуген – один из немногих образчиков готической архитектуры в Норвегии.

– Чем дальше замок, тем лучше для простого народа, таков закон природы, – сказал Джонни.

– А ты радикал, – сердечно рассмеялся Ханс. – Одобряю.

– Ты тоже был радикалом, когда мы беседовали в Бейруте. А теперь толкуешь о старом аристократе, который хотел построить в Норвегии замок. Твой социализм всего лишь уловка, чтобы завлекать дам?

Ханс снисходительно улыбнулся.

– Я социалист и останусь им до самой смерти. Но вдобавок я еще и член семьи. Один из Фалков. И чем старше становлюсь, тем важнее для меня семья. Так будет и с тобой.

– Вряд ли, – сказал Джонни и, отвернувшись от ветра, закурил сигарету.

– Ты знаешь Улава Фалка?

– По рассказам, – ответил Джонни.

Ханс бросил взгляд на воду, которую окутал холодный туман.

– Так вот, я связался с тобой как раз потому, что меня волнуют имя и репутация семьи. САГА – крысиное гнездо, и в ответе за это Улав.

– Фонд, где привилегированные богатеи занимаются благотворительностью, вызывает раздражение, но много ли вреда может принести организация, чьи интересы сосредоточены на норвежской военной истории, на посредничестве в мирных переговорах на Ближнем Востоке и на авторитарных гибридных режимах в Восточной Европе?

– У САГА и Улава две стороны. Та, что ты упомянул, Джонни, – полированная и отлакированная. По сути, просто-напросто прикрытие, скорлупа для шпионажа и использования силовых структур вне парламентского контроля.

Против воли Джонни был заинтригован.

– Связь с разведкой – дело обычное, – согласился он. – Можно назвать массу всяких фондов и компаний, которые служат ширмой для шпионажа. Но то, что ты говоришь, голословные утверждения? Или у тебя есть факты?

– Пожалуй, – сказал Ханс и выключил мотор. – Так уж вышло, что мне довелось много раз говорить с человеком, который в свое время превратил Редерхёуген в разведцентр. Позднее она об этом пожалела и хотела рассказать о содеянном. Я еду с ее похорон. Ты слышал о Вере Линн?

– Вообще-то нет. – Джонни щелчком отправил сигарету за борт.

– В пятидесятые и шестидесятые годы Вера была известной писательницей. В семидесятом, когда я еще жил с родителями в Бергене, Вера провела у нас всю зиму. Копалась в архивах, искала правду о том, что произошло с семьей в войну, точнее – когда в сороковом году судно «Принцесса Рагнхильд» потерпело крушение. Рукопись оказалась настолько опасна, что спецслужбы конфисковали ее и сожгли.

– Потрясающе, – сказал Джонни. – Но при чем тут я?

Ханс тихонько рассмеялся.

– Как раз сейчас я занят тем, что нанимаю тебя написать мою биографию.

Джонни обернулся к нему.

– Ты шутишь, Ханс. Твою биографию?

Ханс фыркнул, помотал головой.

– Со всей скромностью смею утверждать, что прожил интересную жизнь, а ты в свое время написал действительно хороший мой портрет.

Ситуация становилась все более странной. Джонни представлял себе что угодно, но только не это.

– Почему бы тебе не написать самому?

Ханс хмыкнул.

– Редерхёуген закрывается, как ракушка. Тамошний народ никогда не разговаривает с посторонними, а со мной и подавно. Ну, разве только биограф не начнет расспрашивать *off-the-record*³⁰ про сплетни о любовных романах Ханса Фалка. Вот тогда они разговорятся, да еще как.

– Наверняка, – согласился Джонни, – но чего ты, собственно, хочешь?

– Смерть всегда выводит семью из равновесия. Улав помешан на контроле и держит всех железной хваткой. Его мать, Вера Линн, оставила завещание, и разузнать о его содержании, скажем так, в моих интересах. Единственная проблема – сведения о его местонахождении она унесла с собой в могилу.

– Ты хочешь, чтобы я помог тебе разобраться с наследством?

– Речь идет о значительных ценностях. У меня есть основания предполагать, что моя семья не обойдена в завещании. Мы говорим о собственности, стоящей сотни миллионов, а может, и больше. Мне бы хотелось, чтоб ты выяснил, где находится Верино завещание и каково его содержание.

– И как мне это сделать?

– У Улава есть дочь, Александра, но почти все, кроме Улава, зовут ее Сашей. Очень способная, директор музея. Полная копия бабушки, но вместе с тем папина дочка. Всегда разрывалась между литературой бабушки и властными играми отца. Твоя задача – внушить ей, что ты можешь помочь с поисками завещания. Саша найдет его для нас.

– Я по-прежнему не понимаю, неужели ты поехал в Курдистан, чтобы нанять меня разобраться с наследством?

– Нет. Но мы оба много работали на Ближнем Востоке, Джонни.

Лодка покачивалась на волнах.

– Сам знаешь, – продолжал Ханс, – в горячих точках узнаешь много такого, о чем дома никогда бы не узнал. После стольких лет работы в Курдистане у меня там широкая сеть информаторов. О деталях позднее, но через свои контакты я выяснил, что операция, в которой ты участвовал, через банковские переводы и подставные компании прослеживается до фонда САГА в Норвегии. Не так давно мне стало известно, что Улав, используя свои широкие связи и влияние в политике и службах безопасности, активно противодействовал твоему возвращению в Норвегию.

Джонни сделал глубокий вдох и выдохнул через нос.

– Почему? Я незнаком с Улавом Фалком.

– Однако ты знаешь вещи, опасные для САГА и Улава.

– Какие вещи?

Ханс по-отечески снисходительно посмотрел на него:

– Все еще не понял? Раньше ты, насколько я понимаю, всегда работал на норвежские спецслужбы, однако, выполняя последнее задание на Ближнем Востоке, ты работал вовсе не на них. Во-первых, они бы никогда не послали тебя на такое опасное и политически щекотливое задание, а если б и послали, то в случае ареста постарались бы вытащить. Нет, Джон Омар Берг, сам того не зная, ты работал на САГА, и работодатель бросил тебя в беде.

Задувал холодный ветер. Что он такое сказал?

Ханс бросил взгляд на Редерхёуген.

³⁰ Конфиденциальный; не подлежащий огласке; не предназначенный для печати; не под запись (англ.).

– Между случившимся с Верой в семидесятом и тем, что случилось с тобой, существует связь. Вы оба располагали сведениями, которые могли раскрыть темные стороны САГА, это связь историческая, проходящая сквозь все послевоенные годы, отчасти она восходит к кораблекрушению военных лет. – Ханс врубил двигатель. – Как видишь, у нас тут общие интересы. Моя ветвь семьи получит положенную по праву долю наследства, а ты – человека, который хотел сгноить тебя в тюрьме.

Джонни ощутил приятный запах грядущего дела, но промолчал.

– Как ты помнишь, мы с тобой кое о чем договорились. – Ханс Фалк в упор посмотрел на него. – И договор по-прежнему в силе. Да, вот еще что: главный армейский врач – мой близкий друг. Я знаю о твоих проблемах с дочкой. Мы живем не в коррумпированной стране, Джонни, но, вполне возможно, кто-нибудь заглянет в твою историю болезни... как бы это выразиться... с особым пристрастием. И результат может сказаться на твоём праве общаться с дочерью. Как-то так. Разумеется, в случае успеха ты получишь и заслуженную плату.

Он дал газ и сделал широкий разворот, так что Джонни краем глаза успел увидеть башню Редерхёугена. Одно из окон было освещено.

* * *

Когда Саша вернулась в главный дом, поминки фактически закончились. Вот и хорошо, стало быть, можно будет спокойно прочитать письмо Веры. Кресла опустели, и вместе с несколькими девушками в белых блузках она принялась собирать посуду, а Улав тем временем командовал двумя стипендиатами, которые несли на второй этаж один из обеденных столов. Из коридора, ведущего на кухню, доносился звон тарелок и бокалов.

Андреа, младшая сестра, прилетела утром, прямо к похоронам. Они даже поговорить толком не успели.

– Ах, хорошо, что я приехала, – сказала Андреа, обнимая Сашу. – Когда бабушка умерла, я была на Шпицбергене, пришлось покупать дорожный билет домой. А в Северной Норвегии бушевал суший ураган, хорошо еще, я закинулась валиумом и ощущала турбулентность как довольно приятный спа-массаж. Сейчас мне, бедной, совсем хреново, но это был единственно правильный выход.

– Папа говорил, ты в Швеции, – сказала Саша.

– Когда он спрашивает, я всегда в Швеции.

Саша рассмеялась. Андреа было двадцать с небольшим – ростом выше сестры, по-мальчишески атлетичная, с широкими прямыми плечами, узкими бедрами и длинными мускулистыми руками. Андрогинность внешности подчеркивали короткие темные волосы и мешковатая одежда, какую она обычно носила.

К ним подошел отец.

– Короткий семейный сбор.

На сегодня Саше уже вполне хватило семейного общества, и вообще, ей надо домой. Улав расстегнул на рубашке верхнюю пуговку, закатал рукава до локтя. Трое детей полукругом стояли перед ним.

– Насыщенный день. Как вам кажется? – Улав пригладил ладонями и без того гладкие седые волосы.

Они кивнули, молча стоя по бокам стеклянной витрины. Что верно, то верно, они на удивление устали от похорон. Саша провела пальцем по стеклу, покрытому тонким слоем пыли. Пароход «Принцесса Рагнхильд». «На службе Северного пароходства 1931–1940» – гласила гравированная надпись. Она посмотрела на искусную миниатюрную модель. Палубы, трубы, рубка, спасательные шлюпки, нос, ют. На миг она воочию увидела пассажиров – торговцев и проповедников, рыбаков и рабочих, матросов и штурманов, стоящих у окошка билетной

кассы или любующихся видом у поручней. И Веру, двадцатилетнюю, молодую мать. Но думала Саша только о «Морском кладбище».

– Я просто хочу сказать, как высоко ценю все, что вы сделали сегодня и в целом после смерти мамы. Андреа, спасибо за каспийскую икру, и гусиную печенку, и шампанское. Сверре, спасибо за логистику.

– Ура, медаль ему за логистику, – простонала Андреа.

– Дилетанты думают, на войне все дело в стратегии, эксперты знают, что в логистике, – сказал Улав. – Улыбнись, Сверре.

Он перевел взгляд на Сашу.

– Александра, милая моя Александра, спасибо за речь. Она куда важнее, чем вы думаете.

Поминальное пиво явно разбудило в нем сентиментальность. Самой Саше хотелось только, чтобы все поскорее закончилось. Улав обнял за плечи Сверре и Андреа и наклонился вперед, почти касаясь Сашиного лба.

– Помните, как мы говорили про великолепную четверку? Мы против всего мира. Александра и Андреа по флангам, мы со Сверре – в защите по центру. Из всех, что были здесь сегодня, я не доверяю никому, кроме вас. Никому. Они могут сколько угодно улыбаться и соболезнавать, но при первой же возможности разворуют наши ценности и пырнут ножом в спину.

Они промолчали.

– Семья, – сказал Улав, – бесконечность поколений, прямая нисходящая линия. Вот что имеет значение. Остальное – пустяки, если по большому счету.

После смерти бабушки Саша толком не думала о девочках и о муже, во всяком случае, после письма и разговора с Рут. И сейчас вдруг почувствовала, что ей недостает семьи, их голосов, их запаха.

Улав ослабил хватку.

– Ну, в общем все. Спасибо вам.

– По бокальчику в синей комнате? – спросила Андреа.

Сверре поддержал, он всегда был готов выпить.

– Извините, – сказала Саша, – Мадс сегодня приехал, а на поминках у меня фактически не было ни минутки поговорить с ним. И девочек я совсем забросила после смерти Веры. В другой раз.

Брат с сестрой пошли наверх. Саша погасила свет и вышла на улицу. Наконец-то одна. Вечер был ясный и холодный. Из темноты выбежал Джаз. Она зашагала домой.

* * *

Мадс сидел за дубовым крестьянским столом и, расстегнув ворот рубашки, потягивал из бокала красное вино. Ему было под сорок, и годы оставили на его лице свой отпечаток, отчего он выглядел привлекательнее, чем прежде. Две морщинки пролегли на лбу, в трехдневной щетине угадывалась легкая проседь, плечи под рубашкой тренированные, жилистые и сильные.

Саша быстро поцеловала его, отошла к буфету, налила себе бокал вина.

– Девочки спят? – тихо спросила она.

– Вконец уморились. Весь вечер носились по коридорам главного дома. Камилла объявила, что на похоронах почти так же весело, как на Рождество и в день рождения. Марго спросила про смерть.

Она засмеялась, а Мадс, не говоря ни слова, встал и обнял ее сильными руками. Они долго так стояли.

– Как хорошо, что ты вернулся, – шепнула она.

– Может, махнем куда-нибудь вчетвером? – нежно сказал он. – Мне надо сделать перерыв. Во Францию, а?

Саша не ответила, но осторожно высвободилась из его объятий.

– Можно спросить у тебя совета, Мадс?

– Конечно.

– Ты никогда не жалел, что выбрал САГА, а не политику?

Когда они познакомились, Мадс считался большим политическим талантом, но во время одного из воскресных ланчей, после того как они поженились, Улав переманил его. Будущее за системой САГА в Редерхёугене, а не за «социал-демократической партией, в которой искусственно поддерживают жизнь». Улав, как никто другой, умел заманить бывших политиков в свою компанию, и Мадс, выросший в безденежной семье, соблазнился весьма щедрым увеличением оклада и перешел в частный сектор.

– Останься я в политике, мы бы вряд ли были вместе, – ответил Мадс.

– Что ты имеешь в виду?

– Политика требует полной отдачи. Я, конечно, и сейчас много разъезжаю, но рабочий день нормирован. В политике так не бывает. Это азарт, игра, когда забываешь об окружающих. Ну, вроде как у писателей, у Веры, например.

– Вера о многом умалчивала.

– О чем ты?

Саша открыла окно, закурила. Обычно он не терпел, когда она курила. На сей раз ни слова не сказал, стал рядом, оперся на подоконник.

Она вздохнула.

– Папа хочет, чтобы я оставила бабушкины секреты в покое. А давняя Верина редакторша хочет, чтобы я разобралась в тайне вокруг ее последней рукописи. Что мне делать?

– Инстинкты крайне редко обманывают Улава.

– Это твой ответ?

– А, собственно, был ли вопрос? – Мадс склонил голову набок, посмотрел на жену. – По моему, ты сама знаешь ответ. В любом случае я тебя поддержу, Саша, лишь бы ты поступила по правде.

Она нежно поцеловала его в лоб.

– Я достаточно часто говорю, что люблю тебя?

– Можно и почаще.

Она щелчком отправила сигарету в потемки на улице и пошла в каминную. Достала книгу и бабушкино письмо.

Дорогая Сашенька,

раз ты нашла это письмо, я знаю: ты поговорила с человеком, которому я доверяю. Потому-то я и спрятала письмо здесь, а не выложила на всеобщее обозрение как последнее прости. Найти его могут только те, кто знает, что случилось со мной в 1970-м. Маленькая гарантия безопасности, если угодно.

Эти самые люди были мне поддержкой в противостоянии с теми, кто заставлял меня молчать. Моя версия происшедшего в войну не совпадает с официальной историей, общепринятой в стране и среди героев военных лет. Я не знала, что после случившегося уже ничего не напишу, что меня ждут 2340 недель, или примерно 16 380 дней, запрета на писательство.

Это пришло мне в голову вчера, во время нашего с тобой разговора. Тебе хотелось услышать мою версию случившегося, поскольку семья собирается отметить 75-летие кораблекрушения.

Но воспоминания – словно кошка, которая выскальзывает из рук, когда пытаешься ее погладить, однако ж по ночам пробирается в спальню, ложится рядом и мурлычет.

На моем письменном столе по-прежнему стоит фотография – я и Улав у поручней на пароходе «хуртигрутен» после выхода из Бергена, всего за несколько дней до крушения. Я подношу снимок к свету. Много ли от сути человека сохраняется на всю жизнь? Сколько осталось от Улава и от меня самой?

Тебе надоело это слышать, Саша, но ты так похожа на ту меня, с фотографии. Единственная в семье ты унаследовала интерес к литературе. Когда была маленькая, ты могла часами сидеть и слушать северные истории о привидениях, которые я тебе рассказывала.

Но пишу я тебе не ради воспоминаний. По моему разумению, семья под руководством Улава деградировала. Достаток, пожалуй, стал больше, чем когда бы то ни было, но морально мы банкроты.

Я могла бы привести множество примеров, и в политическом плане, и в личном, но, с твоего позволения, скажу только, что изложила все куда подробнее и лучше в другом месте. Не секрет, что восходит это к событиям времен войны, в частности связанным с крушением «Принцессы Рагнхильд». Эта беда – раковая опухоль, и она никуда не делась. В значительной мере виновата я сама. Хотя у меня были свои причины.

*Семья сейчас на распутье, Саша. Ты можешь и дальше жить согласно девизу на гербе Фалков: *Familia Ante Omnia*. Семья превыше всего, даже когда правда и лояльность противоречат друг другу.*

Властные мужчины семьи слишком долго ставили лояльность превыше правды. Ради семьи и ради определенного представления о Норвегии и норвежской истории. Они сумели навязать всем свои басни, а стоит кому-нибудь заикнуться об этом, приходят в ярость, что вполне естественно для людей, облеченных властью и уверенных в незыблемости своих привилегий.

Надеюсь, ты рискнешь бросить им вызов. Если хочешь отыскать правду – рискнешь. Но тогда приготовься к тому, что правда причинит тяжкую боль.

Вообще-то мне следовало бы рассказать обо всем прямо сейчас, но у меня нет сил. Или мужества. Смерть меня вовсе не пугает. Она всего лишь боль, причиненная близким, а скорбь с годами слабеет. Парадоксальным образом, наступая, смерть прекращается. Смерть существует лишь для живых.

В.Л.

Часть 2. Окно-розетка

Глава 11. Самое трудное – вернуться домой

Через несколько дней после разговора с Хансом Джонни Берг пересек в центре Осло красивую, мощенную брусчаткой площадь с фонтаном, отыскал латунную табличку с гравированной надписью «Издательство Григ», открыл тяжелую стеклянную дверь – бронированное стекло, отметил он, – и остановился в вестибюле, рассматривая фотографии покойных писателей, своего рода издательский пантеон.

Фото Веры Линн, вероятно, было сделано в шестидесятые годы – взгляд бодрый, молодой, в уголках рта легкие морщинки, обычные у женщин в тогдашнем ее возрасте, а было ей уже сорок пять с лишним.

– Ты тоже очарован Верой Линн? – послышалось за спиной.

Ханс Фалк быстрым энергичным шагом подошел к нему, обнял.

– Хорошо, что ты смог прийти, у меня всего несколько дней перед отъездом, пора опять в Курдистан.

– Я отдыхаю, – отозвался Джонни.

Последние дни он бродил по городу, исходил его вдоль и поперек, прошел и мимо квартиры в Бьёльсене, где вырос, и мимо мужской парикмахерской в Сагене, где работал футбольный тренер Золли, название сохранилось, но парикмахерская стала хипстер-баром. На первом этаже старого доходного дома в Лёкке – он перебрался туда в шестнадцать лет явочным порядком, как «сквоттер», читал там классиков-радикалов и планировал, как бы намять холку неонацистам, – располагалась теперь риелторская контора. Наверно, это неизбежно: город наводил на него грусть, ничего не поделаешь – малая родина, где места и воспоминания сливаются воедино и уже невозможно отделить одно от другого.

Он был свободен, он вышел на волю из самой ужасной тюрьмы на свете и должен был ликовать от счастья. Но почему-то не испытывал ни ликования, ни счастья. Даже вроде как тосковал по времени, проведенному в застенке. Разумеется, не по болезням, побоям и пыткам. Нет, ему просто недоставало мечтаний о свободе. Все на свете тюрьмы полны мечтателей. Это единственная роскошь, какую у заключенных не отнимет ни одна тюрьма. Сейчас мечтаний нет, осталась только реальность.

Заняться было нечем, и потому он бездельничал. Но в этот день Ханс вызвал его на встречу в издательстве.

– Ты связался с главным врачом ВС? Хороший мужик.

Джонни кивнул, накануне он прошел тесты и собеседование.

– После встречи пойду узнать результаты.

Разговор прервался, так как подошел шеф издательства Педер Григ – статный худощавый мужчина лет сорока с массивным подбородком, свидетельствующим об энергии и решительности. После той прогулки с Хансом на катере Джонни кое-что выяснил в интернете о семействе Григ. Нынешний шеф издательства был начисто лишен шарма, каким прямо-таки отличился его отец Юхан, но, по отзывам, с делами управлялся гораздо лучше.

– Ханс! – воскликнул он тем нарочито приветливым тоном, который большей частью вызывает лишь неловкость. – А это, наверно, Джон О. Берг? За мной, парни.

Они прошли в должным образом обставленный кабинет, где главное место занимали честерфилдовские диван и кресла и большой лакированный письменный стол. Педер предложил гостям сесть на диван, а двое сотрудников издательства – женщина и мужчина, явно целиком поглощенные культурой, – принесли договоры.

Ханс Фалк задержался возле графических портретов всех издателей из семейства Григ.

– Юхан и Педер поочередно в каждом втором поколении с девятнадцатого века, верно?

– С тысяча восемьсот сорок второго года, – уточнил Педер.

– Юхан Григ разбазаривает издательские денежки, а Педер в следующем поколении снова их зарабатывает, чтобы Юхан-младший мог снова пускать их на ветер, а Педер-младший спасать остатки, – подмигнул Ханс. – Когда говорят об «Издательстве Григ», непременно вспоминают о «проклятии Юхана».

– Н-да, – кисло отозвался Педер, – но отрасль постоянно меняется, мы изо всех сил стараемся быть в первом ряду. Кстати, у меня сыновей нет, так что в следующем поколении «Юханова проклятия» не будет.

Он уселся поудобнее.

– Как тебе известно, Ханс, идея поручить твою биографию автору со столь ограниченным опытом, как Берг, вызывает у меня большие сомнения.

– Если б мои давние наставники на Ближнем Востоке думали так же, когда я был начинающим врачом общей практики, тысячи искалеченных войной детей погибли бы, – лукаво улыбнулся Ханс. – У Джона есть то, чего нет у большинства опытных авторов, – талант, воля и желание.

– Ну что же, – сказал Педер, – как издательство мы – это наши авторы. И мы хотим издать твою биографию. – Он повернулся к Джонни, смерил его пристальным, критическим и чуточку снисходительным взглядом. – Можно спросить, как ты начнешь книгу?

– Можно. – Джонни откашлялся, он сразу смекнул, что после их встречи Ханс продвинул идею книги еще на шаг. Решил проблему с издательством, ведь без издательства весь план ничего не стоит, о беседах с семейством Фалк в Редерхёугене можно забыть. – Сколько премьер-министровских мемуаров вы издали за последние годы?

– Три книги, – ответил Педер Григ, отчего-то слегка неуверенно, – плюс воспоминания бывшего верховного комиссара по делам беженцев.

– И много ли продали?... – спросил Джонни.

– Мы говорим об историях, повествующих о том, кто мы как нация! – вскинулся издатель. – «Издательство Григ» рассказывает о Норвегии, такова всегда была и есть наша цель.

– Кроме политкомментаторов, никто подобные книги не читает, – продолжал Джонни. – Им устраивают шумные презентации у вас в вестибюле, а затем они исчезают из сознания народа и пылятся на складе, пока не отправятся на переработку. Самооправдания этих любителей нравочений никого не интересуют.

Издательские сотрудники переглянулись, слегка покачав головой, а Педер беспокойно почесал затылок и кивнул, словно предлагая Джонни продолжить.

– Иные авторы думают, что путь к сердцу читателя лежит через самохвальство и приукрашивание. Я намерен выстроить биографию Ханса, пользуясь его собственным методом.

– И какой же это метод? – скептически спросил Педер.

– Буду обольщать читателя, как Ханс обольщает женщин, – сказал Джонни, бросив взгляд на Фалка. – Мы говорим о мужчине, который способен очаровать кого угодно, от бухгалтерши до строго религиозных женщин в хиджабах. Почему? Да потому, что Ханс всегда честен, и насчет своих слабостей, и насчет того, что работал в ущерб семье и детям, и насчет оставшихся дома обманутых женщин. Ведь война, сколь она ни ужасна, не самое трудное в жизни, самое трудное – возвращение домой. Но, несмотря на все слабости, на все темные пятна, Ханс – человек, побуждающий нас мечтать и искать то, что превышает нас самих.

Снисходительность во взглядах исчезла, люди, сидящие возле низкого журнального столика, слушали его с интересом.

– Много лет назад, когда я брал у Ханса интервью, он рассказал мне одну историю. И биография его начнется в тысяча девятьсот семьдесят втором году в ливанском лагере беженцев,

где Ханс оставил единственную женщину, которую любил, и под градом пуль, с беззащитным младенцем на руках, стремится выйти из кольца боевиков, которые желают смерти и ему, и ребенку. Затем мы вернемся в Берген семидесятого года, где юный сын судовладельца и гимназист-радикал Ханс Фалк встречает человека, заставляющего его мечтать о чем-то большем. – Джонни понизил голос. – Это Вера Линн.

Педер Григ вздохнул и приподнял брови.

– И ты полагаешь, что способен рассказать обо всем этом?

– Да, – серьезно ответил Джонни. – Сравнить, конечно, не стоит, но все эти чувства и дилеммы я испытал на собственной шкуре. Мне кое-что известно о том, какой ущерб ты наносишь своей семье и детям, когда работаешь в горячей точке. И вот это – смесь узнаваемого и экстраординарного, – вот это и есть путь к сердцу людей, будь то Хансовы возлюбленные или читатели.

Педер глянул на часы, довольно хмыкнул и придвинул Джонни договор.

– Я услышал достаточно, Берг. Заказ твой. Гонорар делится между вами пополам. Мы платим аванс и оплачиваем поездку на Ближний Восток, под расписку. Ханс, хочешь что-нибудь добавить, прежде чем подпишешь договор?

– Пиши правду, – сказал Ханс, глядя на Джонни. – Только не делай из меня зануду.

* * *

Когда они вышли на улицу, Ханс горел энтузиазмом и предложил выпить по бокальчику. Джонни поблагодарил, но отказался и зашагал в сторону Квадратуры³¹. Хотя маленькое давешнее шоу доставило ему радость, уже вскоре мысли обратились к совсем другому. Подобные спектакли были когда-то его работой, однако, пересекая площадь Грев-Ведельс-плас, он чувствовал себя опустошенным, точно клоун, смывающий грим после представления.

Он вошел в Старую Ложу³² и по широкой, устланной ковром лестнице быстро поднялся на самый верхний этаж, к двери с табличкой «Национальная военно-медицинская поликлиника». Дверь открыл врач, любезно улыбнулся:

– Джон Берг? Заходите.

Он тотчас заговорил о своем старом друге Хансе Фалке, провел Джонни в неряшливый кабинет, где на стене висел плакат с надписью «Позаботься о ветеране», и, предложив Джонни сесть, подозрительно мягким тоном сказал:

– Стало быть, вот результаты МРТ.

Врач положил перед ним два снимка. Сканы мозга, как понял Джонни.

– Здесь вы видите мозг, не подвергавшийся взрывным травмам. Обратите внимание на отличие в мозговой ткани... – Он указал на участок внизу справа на снимке. – В здоровом мозге эта область похожа на клешню краба, видите? – Облокотясь на стол и сплетя ладони, он наклонился над столом. – Речь о том, что мы, врачи, называем ТВИ. Нелегко говорить об этом. Но ТВИ означает *Traumatic Brain Injury*. Травматическое поражение мозга.

– Мозговая травма? – Джонни сглотнул комок в горле.

– Вы ведь в свое время служили в спецназе?

– Давно, в последние годы я работал главным образом на гражданке.

– На гражданке, – повторил врач и потер подбородок. – Американская научная литература указывает на отчетливую корреляцию ТВИ с некоторыми специальностями. Такие травмы встречаются, например, у оперативников, которые на протяжении многих лет подвергались

³¹ Квадратура – самая старая часть Осло.

³² Старая Ложя – здание, где первоначально в XIX в. располагалась масонская ложа, ныне это концертный зал, ресторан, место проведения различных мероприятий и т. д.

воздействию разного рода взрывов, скажем, при *beaching*³³ дверей. Вдобавок к противопехотным минам, конечно. В последние годы вы страдали бессонницей или депрессиями?

Джонни замялся.

– Иногда, но ведь этим все страдают?

– Это обычные последствия. ТВИ необязательно приводит к снижению уровня жизни, – сказал врач. – Очень важно, чтобы вы хорошенько подумали и правдиво ответили на мой вопрос. Нам известно, что психологические воздействия ТВИ во многом напоминают посттравматическое стрессовое расстройство. Раздражительность, уныние, гнев, депрессия, эректильная дисфункция.

Это продолжалось и продолжалось. Поражение мозга. Врач все говорил, говорил, каждое слово – как пуля в сердце. Джонни чувствовал себя прескверно.

Врач пристально посмотрел на него мягким умным взглядом.

– Я работаю здесь уже несколько лет, – сказал он. – Мы и в самом деле старались улучшить условия для ветеранов. Да, в спецназе свои порядки, но принципы те же. Ничего сложного: честные отчеты во время задания и выложить все по возвращении. Никаких накладок, когда мы в курсе. И товарищеская поддержка после. Забота друг о друге. – Он отхлебнул кофе. – Я понимаю, некоторые вещи вы не можете или не хотите мне рассказать. У вас есть с кем поговорить о пережитом?

Джонни почувствовал, как у него перехватило горло.

– Да нет, – ответил он, – пожалуй, нет.

– Смею сказать, – продолжал врач, – вы можете спокойно жить со своей ТВИ. Но, по моему, вам необходим кто-нибудь, с кем вы могли бы поговорить. Нам всем нужно общение, нужна компания.

Джонни сам не знал, в чем причина, – в слове ли «общение», в симпатичном ли лице главврача или в том, что он так долго носил все в себе, – но он начал рассказывать.

– Когда родилась дочка, я был за границей, – сказал он, опустив глаза. – Сидел в ливийской пустыне, корректировал работу наших бомбардировщиков. Узнал про дочку только три дня спустя. Мы с напарником, с Гротле, отпраздновали глотком бренди в палатке. Я хотел лишь одного – уехать домой. Думал, все будет хорошо, только бы вернуться.

– Это действительно большое событие в жизни, – сказал главврач с эмпатией в голосе. – Нетрудно понять.

– Я вернулся. Поначалу все шло хорошо. В доме, где есть новорожденный ребенок, всегда тихо-спокойно, благостно, как в церкви. Голоса тихие, моя подруга была такая красивая, прямо светилась вся. Я чувствовал удивительную близость с ними. Будто никогда больше их не оставлю. Но под всем этим таилось так много, так много тяжелого осадка. Предательство, ведь я уехал на задание, вместо того чтобы присутствовать на родах.

Джонни почувствовал соленый вкус слез.

– И мало-помалу нарастала злость на то, в чем я участвовал. Мы, так сказать, «корректировали огонь», я передавал бомбардировщикам координаты, и в результате погибли ни в чем не повинные ливийцы. И ради чего? Лучше в Ливии не стало, наоборот, стало хуже. Десять лет я вот так работал, а ради чего? Эта неотвязная мысль истерзала меня.

– В современной научной литературе пишут о так называемой *moral injury*³⁴, – сказал главврач. – Даже люди, сами не находившиеся в физической опасности, например пилоты дронов в американской пустыне, могут страдать от последствий. Вы-то были в непосредственной опасности, но, думаю, можно говорить о том же.

³³ Вскрытие (англ.).

³⁴ Моральная травма (англ.).

– Я пошел вразнос, – продолжал Джонни. – На работу не ходил, целыми днями курил гашиш. Подруга вышвырнула меня вон. Сперва мы хотели поделить родительские права пополам, но я не справлялся. Остались выходные, но когда она и ее новый приятель, парень из охранной полиции, заявили ко мне домой и нашли меня на диване в отключке... а дочка спала... она сказала: «Всё, хватит». С дочкой мне разрешили встречаться только под надзором.

Врач наклонился вперед:

– И что ты сделал?

– Единственное, что мог, – ответил Джонни. – Опять уехал. Только там я чувствовал себя уверенно. Делал то, что должен, по недоразумению был арестован. Семь месяцев разлуки с дочкой, вдобавок на помощь мне, скажем так, никто не пришел. Теперь мне запрещено видеться с ней. И такое решение суд принял до... – Он осторожно кивнул на сканы МРТ. -... Прежде чем эти снимки показали, что у меня, хм, поражение мозга.

– Ты говоришь то же, что и большинство ветеранов, – сказал главврач. – Труднее всего не сами задания, точнее, не их драматизм. Возвращение домой – вот что трудно.

Глава 12. Мы пережили кораблекрушение и семейный разлад

Еще при жизни Веры Улав решил отреставрировать башню с окном-розеткой в восточном крыле главного дома. Теперь он нашел подходящего подрядчика, под руководством которого крепкие работы возвели вокруг башни леса и натянули белоснежные защитные полотнища.

Проблема заключалась в деревянной обрешетке кровли – там, где поверху идут бойницы, она насквозь пропиталась влагой и прогнила, а кроме того, сильные дожди и снегопады последнего времени привели к протечкам на верхний этаж башни, где находится то самое окно-розетка. Вдобавок и стекла в окне тоже были старые, пористые. Вообще чудо, что оно устояло в бурях. И есть опасность, что вода просочится дальше, в кабинет Улава.

Когда в дверь постучали, он стоял у окна и сквозь сетку защитного полотнища смотрел на улицу. Время позднее. Как обычно, на нем были светло-коричневые ботинки фирмы «Эурланнску». Он и Александре подарил пару, и, к его большой радости, она носила их постоянно. Он наклонился к радиатору, греет хорошо, с годами он все больше мерз. Александра всегда его слушалась. Соблюдала лояльность. Семья превыше всего, как и положено.

– Да, – ответил он.

В дверях появилось озабоченное лицо Грeve, она вошла, налила себе из графина стакан воды.

– Ты хотел поговорить со мной.

Он предложил ей бокал вина, но она отказалась, поскольку поедет домой на машине.

– Никакого завещания не нашлось, – полувопросительно-полуутвердительно сказал он.

Адвокат не ответила, стояла, прислонясь к бару и задумчиво глядя на Улава.

– Честно говоря, я не вполне понимаю, чем так важно Верино завещание, – сказала Грeve.

– Оно пропало, – резко бросил Улав, – что тут непонятного?

– Вера записана как владелица семейной недвижимости, и ты боишься, что она могла что-то отдать на сторону?

Улав задумчиво почесывал бровь.

– Сири, сядь.

Он и сам понимал, что его слова прозвучали и как приглашение, и как приказ. Грeve села на диван, закинула ногу на ногу. Улав взял со стеллажа несколько книг, положил на журнальный столик.

– Это мамины книги, вернее, некоторые из многих, – наставительно сказал он. – Интересные, хоть и забытые. Кто помнит роман или сборник новелл пятьдесят лет спустя? Они лежат на книжном кладбище.

Заметив, что Грeve нетерпеливо поерзала на диване, он продолжил:

– Ладно, ближе к делу. Первый раз я услышал, что мама работает над совсем другим проектом, зимой семидесятого. Она была в Бергене, и один знакомый из ее издательства сообщил, что они очень ждут ее рукопись про «хуртигрутен» в годы войны.

Улав отпил глоток красного вина.

– Не скажу, чтобы я обрадовался, ведь я вырос с нею и слишком хорошо знал, какие тяжелые воспоминания может разбудить подобный проект. Но Конституция гарантирует свободу, и коль скоро ей захотелось написать об этом, она, конечно, была в своем праве.

Грeve кивнула. Как большинство юристов, она сама неукоснительно соблюдала правила, и эта профессиональная слабость, возможно, действовала Улаву на нервы, хотя как раз в силу своего педантизма семейство Грeve прекрасно подходило для работы с юридически обязывающими документами, каких в Редерхёугене было предостаточно.

– Однако же оказалось, что с этим манускриптом дело обстояло не так-то просто, – продолжал Улав. – Мама, да упокоится она с миром, сумела навлечь на себя гнев спецслужб. Каким образом, понятия не имею, я сразу от всего этого открестился, но, как выяснилось, «Издательство Григ» не могло выпустить книгу, содержащую безосновательные обвинения по адресу людей, которых уже не было в живых, в том числе отца. Мама восприняла это очень тяжело, среди бела дня ей всюду мерещились враги да призраки. Проблемы с психикой, которые были у нее всегда, только усугубились.

– Изъять рукопись – сильное средство принуждения, – сказала Грeve.

– А-а-а! – простонал Улав. – Нервный срыв был вызван не этим, а травмами, которые она так и не превозмогла. Ее поместили в Блэкстад. Тяжелые были годы, темные. Ты же знаешь эту историю.

– Я по-прежнему не вижу связи с завещанием.

– За минувшие годы мне довелось слышать, что та рукопись до сих пор существует. Что мама хранила ее у судьи как свое завещание.

Грeve кивнула, словно наконец-то поняла.

– Стало быть, на самом деле последняя воля Веры – рукопись, а не юридически обязывающий завещательный документ?

– Бог его знает, – вздохнул Улав. – Возможно, то и другое.

– И теперь ты боишься, что она попала в чужие руки и может быть опубликована?

– Мы пережили кораблекрушение, очернительские кампании и семейный разлад. И с этим тоже справимся. Но ответ – «да», именно этого я боюсь.

– Кто об этом знает?

– Понятия не имею. Последние пятьдесят лет я с мамой почти не разговаривал. Но поскольку речь идет о рукописи, первым делом напрашивается мысль о Юхане Григе, ее издатель.

Грeve озабоченно посмотрела на него.

– Поговори с Юханом. Четко объясни ему, что он должен молчать.

Не говоря ни слова, Улав кивнул, Грeve встала и вышла из кабинета. Улав запер за нею дверь. Шаги его были тяжелыми, как и дыхание. Оттого что он больше не сын, а только отец? Он сел в кресло, положил ноги на письменный стол. Эта история ярмом давила на него.

Он взял мобильник, набрал номер Юхана Грига.

Им часто доводилось встречаться в более-менее официальной обстановке, главным образом на похоронах, но по телефону они не разговаривали очень давно.

Старый Верин издатель ответил после третьего гудка, вопросительным тоном человека, который видит, кто звонит, но сам себе не верит:

– Да, алло?

Голос был тихий, Григ очень сдал в последнее время.

– Это Улав. Улав Фалк. Есть дело, Юхан.

– Я бы удивился, если бы ты позвонил, чтобы напомнить о давних днях, – отозвался Григ.

– Когда ты в последние месяцы побывал в Редерхёугене? – спросил Улав.

– Не помню.

– А вот я помню, – сказал Улав, – потому что в тот день мама покончила с собой. В полдень.

Григ помолчал.

– Это телефонный допрос?

– Ты приезжал как обычно, днем, и уехал довольно рано?

Улав удовлетворенно улыбнулся своему отражению в окне. Нажима Юхан никогда не выдерживал и сейчас был столь же хрупок и податлив.

– Нет у меня сил шастать возле Редерхёугена по вечерам, – вздохнул Григ. – И уж тем более навещать Веру.

Это наверняка правда, подумал Улав, но еще и действенный отвлекающий маневр со стороны издателя.

– Мамина рукопись у тебя?

Он услышал, как Григ опять вздохнул.

– Ты был маминым издателем и любил ее, – продолжал Улав. – А вдобавок тебя постоянно мучила совесть, из-за случившегося в семидесятом.

– Перестань, что за вздор, – ответил Григ. – Речь о твоей семье и твоих травмах, а ты винишь меня. Тебе ли не знать, что если б дело обстояло так, я бы прежде всего связался с тобой. Я всегда был на стороне семьи Фалк.

– И продолжай в таком же духе. Никому ни слова.

Улав оборвал разговор.

Глава 13. Опекунский совет

Саша рывком проснулась.

Радио на ночном столике показывало 03:43. Мадс спал, повернувшись к ней мускулистой спиной. Она чувствовала себя разбитой и усталой, а сна ни в одном глазу. Легла на другой бок, закрыла глаза, но тотчас поняла, что больше не уснет.

Почти неделя минула после похорон. Днем она добросовестно работала в архиве САГА, вечера же проводила с семьей здесь, во флигеле. Вызванная смертью чрезвычайная ситуация мало-помалу сменялась обычной будничной рутинной. По настоянию отца Саша не стала копаться в бабушкиной истории. Ну то есть почти.

Футболка насквозь мокрая от пота. Саша села на край кровати, осторожно провела пальцем по спине Мадса. Он что-то невнятно проворчал, но не проснулся.

Обычно она всю ночь крепко спала, как ребенок. Но нынешнее время обычным не назовешь. Бабушка Вера открылась ей, прямо перед самоубийством написала письмо и спрятала в таком месте, где найти его могли только посвященные в события 1970 года. Посвященные... события 1970-го... Саша вздрогнула, от волнения и страха.

Прошла в ванную, бросила потную футболку в грязное белье, оделась, тихонько скользнула в гостиную. Она любила ночь, тихий гул бытовых приборов, проникавший в окно слабый свет с той стороны фьорда. Надела ботинки, вышла на воздух. Ночь объяла ее зимним холодом, весна пока что заставляет себя ждать. В темноте чуткость к звукам усилилась, как у зверька, а обостренное восприятие порой раскрепощало мысли.

Саша закурила и свистом позвала Джаза. Странно, собака не пришла. Все, о чем она размышляла после смерти Веры, разом навалилось на нее, словно непонятное и потому неразрешимое математическое уравнение. Она вскарабкалась на замшелую скалу с южной стороны пляжа и стала там, глядя на фьорд.

Немного погодя спрыгнула со скалы и не спеша побежала через лесок мимо тускло освещенной луной статуи Большого Тура и высоких эркерных окон дома за ней.

Тихонько, чтобы никого не разбудить, прокралась в дом, села за стол и открыла «Мак». Перед сном Мадс прислал несколько ссылок насчет разных отелей и замков Прованса. Но это подождет. Некий Джон О. Берг просит об интервью в связи с «будущей биографией Ханса Фалка для „Издательства Григ“, *off-the-record*». Саша тихонько рассмеялась, написала короткий ответ: «Только если неконфиденциально». И отослала сообщение, прежде чем успела передумать.

Конечно, разговаривать с журналистами вообще незачем.

Последнее сообщение, какое она взяла на заметку, было из Блэкстадской лечебницы. Вопреки данному отцу обещанию, она в последние дни безуспешно пыталась дозвониться туда и в конце концов отправила мейл с вопросом, нельзя ли ознакомиться с историей болезни Веры Линн.

Короткий отрицательный ответ за подписью тамошнего пресс-атташе. Мало что так раздражало Сашу, как упрямые поборники правил. Она уже формулировала в уме резкую отповедь, но тут в коридоре послышались шаги.

– Саша? – сонным голосом сказал Мадс.

– Ты зачем встал? – спросила она.

– А ты? Думаешь, я не заметил? Всю последнюю неделю ты толком не спишь.

– Сядь, Мадс. Я должна кое-что тебе рассказать.

Он налил себе стакан воды и сел напротив, чуть сбоку, накрыв ее руки своими. Хотя когда-то ее покорили красноречие и харизма популярного молодого политика, сейчас она по-

настоящему любила в нем бережное внимание. Как и большинство людей, Мадс в годы учебы демонстрировал, кем хочет быть, а в семье показал, кто он на самом деле.

– Речь о Вере и о том, о чем ты спрашивала?

– Вера оставила мне письмо, – сказала Саша. – Ни папа, ни Сверре, ни Андреа об этом не знают.

Он со вздохом кивнул.

– Что было в письме?

– Прощальное письмо, более или менее.

Он закинул руки за голову.

– Надо передать его полиции.

– Нет, – сказала она, раздосадованная его ответом. – Полиции это не касается. Человеку не воспрещено кончать самоубийством.

– А как насчет Улава?

Она искоса посмотрела на него через стол.

– Бабушка очень злилась на папу. Потому и написала это письмо. Просит меня отыскать правду о семье и о том, что случилось в войну. Да и позднее тоже. Боюсь, бабушка знала что-то о САГА, а я не знаю, хочу ли это узнать.

Мадс встал, достал вино, налил два бокала.

– Почему ты рассказываешь мне об этом? – наконец спросил он.

– Потому что не могу действовать в одиночку!

Он сел напротив Саши.

– Что будешь делать?

Саша коротко сказала, что думает съездить в Блэкстад, куда Веру поместили в семидесятые годы, и добыть там историю Веринной болезни.

– Ты на моей стороне? Поддержишь?

Мадс устало улыбнулся.

– Я не стану тебе мешать.

Саша не ответила, но почувствовала, как сердце сжалось от его тона. Он не очень-то хотел вникать во все это.

– Пойду лягу, – сказал он. – Да и тебе надо бы поспать.

* * *

На следующее утро, выйдя из своего домика, она спустилась к морю и зашагала вдоль берега. По «бараньим лбам» выбралась на заросшую тропинку за врезанной в склон аудиторий, сооруженной по проекту архитектурного бюро «Снёхетта» в честь 25-летия САГА, а затем через рожицу вышла к бухточке с причалом и лодочным сараем.

Роскошных привычек у Саши было немного. Если вдуматься, только одна, «Рива Акварама», итальянская модель 1968 года из темного красного дерева, гоночная моторка, шикарная, как ей казалось, по-нуворишски роскошная, совершенно не под стать обычной Сашинной скромности. Так или иначе, она любила свою лодку. Часто приходила сюда зимой, просто чтобы ощутить под ладонью полированное дерево и изящную, совершенную форму корпуса, а как только в воздухе возникало предчувствие весны, сразу вызывала специалиста по деревянным лодкам, чтобы он привел судно в порядок и спустил на воду из лодочного сарая на южном мысу. Если бы мастера Возрождения проектировали лодки, думала Саша, у них наверняка бы получилась «Акварама».

Когда она спустилась к причалу, там стоял Улав, разговаривал с садовником, который помогал перенести канистры в его моторку.

Саша, если могла выбирать, всегда предпочитала морской путь – и на восток, в центр, и на юг, на Несодден, и на запад, к устью фьорда, где располагалось заведение, куда в начале семидесятых поместили Веру. Конечно, на ее мейл Блэкстадская лечебница ответила отнюдь не дружелюбно, но большей частью при встрече лицом к лицу все легко улаживается.

– Рано ты в этом году спускаешь «Риву» на воду! – воскликнул Улав. – Я бы сказал, даже слишком рано. Куда собираешься?

Саша пожала плечами:

– Просто покататься.

Она шагнула в лодку. Сесть в кремовое кожаное кресло и включить зажигание – прямо как в спортивной машине. Кстати, сравнение удачное, на лодке стояли два двенадцатицилиндровых мотора «ламборгини». Задним ходом она отошла от причала, плавно развернулась направо и на полной скорости помчалась на запад. Весеннее солнце согревало лицо, и Саша невольно улыбнулась.

Спустя полчаса она сбросила скорость, на малом ходу подвела моторку к по-зимнему пустому причалу, пришвартовалась, а затем по дорожке через рощу направилась к лечебнице Блэкстад.

Здесь постройки являли собой комбинацию стильной садово-парковой архитектуры, преобладавшей в первые годы XX века, и низких безликих кирпичных зданий, возведенных после войны. Саша быстро прошла в широкую дверь административного корпуса.

Как и большинство представителей этой профессии, пресс-атташе была женщина средних лет, в прошлом журналистка, Саша вроде бы узнала в ней ведущую недолго существовавшего ток-шоу, которое шло несколько лет назад.

– Александра Фалк, я полагаю? – сказала пресс-атташе, несколько натянуто и хмуро.

Саша кивнула.

– Ваш запрос рассмотрен, – продолжала та, – и отклонен. Мы не показываем посторонним истории болезни. Порой это весьма деликатные материалы.

Злость, которую вызывал у Саши подобный формализм, она унаследовала от отца, он был такой же.

– Вам наверняка известно, что в некоторых случаях обязанность сохранять врачебную тайну может быть упразднена, – сдержанно сказала она. – В частности, если документы будут использованы в научных целях. Я возглавляю архив фонда САГА.

Пресс-атташе скривилась.

– Тогда вы должны обратиться с официальным запросом.

– В данном случае я не только ученый. Я в родстве с пациенткой. Недавно Вера, моя бабушка, скончалась. И насколько я помню, близкие родственники тоже могут получить доступ к давним историям болезни.

Помедлив, пресс-атташе встала. И Саша тотчас поняла, что победила.

– Ладно, у вас два часа.

Они прошли мимо регистратуры и вниз по лестнице, к металлической двери, которая вела в подвальный коридор, заставленный коробками с больничными расходными материалами и оборудованием: койками, ходунками, стетоскопами, катетерами, капельницами, носилками. В конце коридора – новая дверь, без таблички. Пресс-атташе отперла ее. Навстречу пахнуло знакомым запахом бумаги и моли, лампа под потолком некоторое время мигала, но в конце концов успокоилась, пыль заплескала в воздухе, когда они вошли внутрь. Вдоль стены высились штабеля картонных ящиков, на каждом ящичке указан год.

– О каком имени и периоде идет речь? – спросила пресс-атташе.

– Вера Маргрете Линн, – ответила Саша и заметила, что опять разволновалась, – год рождения тысяча девятьсот двадцатый, поступила в лечебницу весной семидесятого. Точной даты я не знаю, но самое раннее конец апреля – начало мая.

Женщина подвела ее к стеллажу с архивными папками.

– Линн, сейчас посмотрим.

Проведя пальцами по корешкам, она вытащила одну из папок, протянула Саше.

– Вот, держите. Здесь вам сидеть нельзя, я найду местечко, где вы сможете поработать.

Вы умеете обращаться с официальными документами?

Саша улыбнулась:

– Это и есть моя работа.

Пресс-атташе устроила ее в уединенной комнатухе; Саша положила папку на фанерный столик, закрыла дверь и начала читать.

Вера попала сюда 2 мая 1970 года, когда «постепенное ухудшение ментального состояния достигло кульминации в бурном психозе с последующими попытками самоубийства».

Первого мая 1970 года психиатр Финн Бутеншён провел тщательное освидетельствование и после долгих консультаций пришел к выводу, что пациентка страдает «глубокими травмами, вероятно вызванными нехваткой контактов в детстве и кораблекрушением в Северной Норвегии в годы войны», и это «радикально подорвало ее душевные силы и возможность функционировать в обществе».

Саша остановилась, перевела дыхание. По сути, тут не было ничего неизвестного или нового, но в отзыве о состоянии больной, датированном 27 мая, Бутеншён добавил кое-что, весьма Сашу удивившее: «По мнению нижеподписавшегося, состояние пациентки ухудшилось вследствие мегаломаниакально-нарциссического представления о себе, основанного на иллюзии собственного величия и навязчивых ложных представлениях, что поименно названные представители норвежской общественности и собственной семьи пациентки желают ей навредить. Выражается это в повторных заявлениях, что она написала книгу, которую „сожгли в лесу“, так как она содержала информацию, которая могла изменить „норвежскую историю“».

Саша встала, прислонилась к стене тесной комнатухи. «Представители норвежской общественности и собственной семьи пациентки»?

В семье Фалк часто случается одно и то же.

Она опять села, стала читать дальше. Психиатры Блэкстада явно проделали основательную работу. Бутеншён связывался с неким доктором Шульцем на Лофотенах, «коль скоро история наблюдений за пациенткой в детстве дополняет клиническую картину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.